

9.С21К)Г
М17

ПИСЬМА О КІЕВѢ

И

ВОСПОМИНАНІЕ О ТАВРИДѢ,

МИХАИЛА МАКСИМОВИЧА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ А. ТРАНШЕЛІ, НА УГЛУ НЕВСК. И ВЪЛД. ПРОСП., Д. № 45-1.

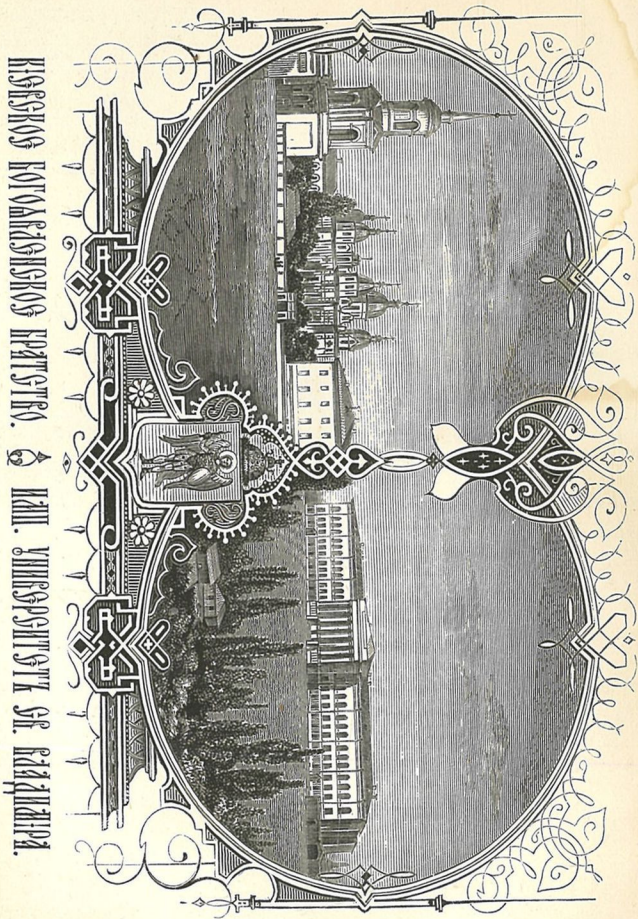
1871.

AP

8552	/44	-21.05.88
8552		-24.9.89
7408	-	26.9
8252	-	26.9
8552	-	27.9
6403	-	10.12.89
5092	-	10.6.90
182	-	9.01.04
		4.02.04

29586.

КНЯЗЬКОГО КОЛОДЯНСЬКОГО ПРАТСТВО. І ІМП. УНІВЕРСИТЕТУ К. ВІДПІДРИ.

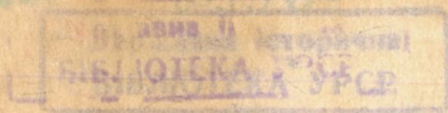
Тип. А. Траншеда, Невок. пр. № 45.

91001
1917

ПИСЬМА О КІЕВѢ

ВОСПОМИНАНІЕ О ТАВРИДѢ,

МИХАИЛА МАКСИМОВИЧА.

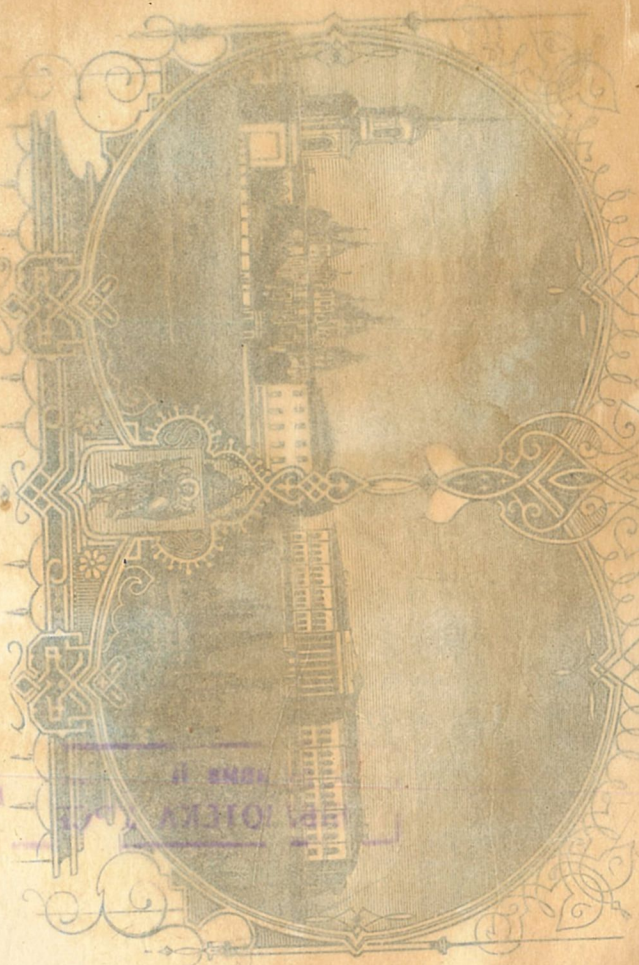

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІИ А. УРАШВЕЛИ, НА УЛУ ВЪВСК. ВЪЛАД. ПР., Д. № 45—1.

1871.

УВАЖНО ЗАКАЖИТЕЛЬНО ПРАВИЛО. В КИШ. УНИВЕРСИТЕТІ С. В. РАДЧИНА.

9(с21к) /
1917

ПИСЬМА О КІЕВѢ

И

ВОСПОМИНАНІЕ О ТАВРИДѢ,

29586

МИХАИЛА МАКСИМОВИЧА.

2023

29586

OK

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ А. ТРАНШЕЛЯ, НА УГЛУ НЕВСК. И ВЛАД. ПР., Д. № 45—1.

1871.

9(C21K)T

2575.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 2 октября 1870 г.

Handwritten blue ink scribbles on the right margin.

Першая історыя
БІБЛІОТЕКА УРСР

ПИСЬМА О КІЕВѢ

къ

МИХАИЛУ ПЕТРОВИЧУ ПОГОДИНУ.

СТАРОМУ ТОВАРИЩУ.

Тебя влечетъ еще стремленье
 Всемирной суеты,
Широкошумное движенье,
 Какъ прежде, любишь ты;
Тебя еще не притомила
 Житейская печаль,
И ты готовъ, товарищъ милый,
 Еще стремиться вдаль....

А я, свернувъ съ большой дороги,
 Отшельникомъ ужъ сталъ;
И унялись въ душѣ тревоги,
 Которыми страдалъ;
Воспоминаніемъ богатый,
 О міръ я забылъ,
И въ тишинѣ убогой хаты
 Творца благословилъ.

14 марта 1866 г.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

...Какой дорогой подарокъ для Кіева сдѣланъ въ Москвѣ къ новому 1868 году! Я говорю объ *Описаніи Кіева*, вновь обработанномъ Николаемъ Закревскимъ. Честь и слава графу А. С. Уварову и всему московскому археологическому обществу, не пощадившему иждивенія на изданіе этой обширной книги! Хвала трудолюбивому уроженцу кіевскому, такъ усердно и долго работавшему надъ описаніемъ древней матери городовъ русскихъ! Полнотою содержанія оно превосходитъ всѣ бывшія доселѣ описанія и обзорнія Кіева: это, можно сказать, запасный магазинъ всякихъ извѣстій, свѣденій, мнѣній и соображеній, древнихъ и новыхъ, о богохранимомъ градѣ.

Въ послѣдніе два года, ты желалъ моихъ замѣчаній о разныхъ кіевскихъ мѣстахъ: и я уже сообщилъ тебѣ малую-толику (отъ *Китаевскаго Городища*, въ немъ же я вижу древній *Перестычень*, и до *Юркова потока*, въ немъ же ка-

залась мнѣ древняя рѣчка *Сттомль*). Вотъ и новый къ тому поводъ: предлагай мнѣ вопросы обо всемъ, что тебя озадачитъ въ книгѣ Закревскаго, и я охотно буду писать отвѣты, привыкнувъ издавна сообщать тебѣ приватно и печатно мои замѣтки объ историческихъ мѣстностяхъ Кіева и всей Украины. Я и теперь, какъ видишь, начинаю снова писать тебѣ мои примѣчанія и воспоминанія о Кіевѣ.... На первый разъ — беру Фундуклеево *Обозрѣніе Кіева*, на которое и ты ссылался въ своихъ *Изслѣдованіяхъ*.

Незабвенный для Кіева Иванъ Ивановичъ Фундуклей, будучи гражданскимъ губернаторомъ, оказалъ важную услугу исторической наукѣ — изданіемъ трехъ знаменитыхъ книгъ о Кіевѣ и Кіевской губерніи. На эти книги ссылаются всѣ, какъ на книги *Фундуклеевы*; да и нельзя иначе: онѣ *изданы* отъ его имени; онѣ составились по его мысли, при его участіи и содѣйствіи, и безъ него — ихъ не было бы. Глядя на нихъ, онъ можетъ сказать словами давняго воеводы кіевского Ходкевича: «не пощаждѣхъ отъ благодарованныхъ ми сокровищъ на сіе дѣло дати!»

Первую изъ тѣхъ книгъ, *Обозрѣніе Кіева*, Закревскій присволяетъ — *Журавскому*. «Это краткое, но тщательное *сочиненіе г. Журавскаго* составляетъ очень полезный и пріятный трудъ» — гово-

рить онъ въ источникахъ (с. 908). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ одному анониму: «Замѣтимъ автору, что Обзорѣніе Кіева въ отношеніи древностей *сочинено г. Журавскимъ*» (стр. 343). Въ третьемъ мѣстѣ: «г. Журавскій, какъ видно изъ его, впрочемъ *весьма добросовѣстнаго, сочиненія*, не посвящалъ себя исключительно изученію кіевскихъ древностей» (стр. 407). Да и по всей книгѣ Закревскаго: *Журавскій пишетъ... Журавскій замѣчаетъ... Журавскій сообщаетъ...* и т. п. А покойный Журавскій повиненъ въ обзорѣніи Кіева—ни мыслию, ни словомъ, ни строчкою, ни точкою; и г. Закревскій испестрилъ свою книгу его именемъ — понапрасну! Журавскій былъ специалистъ въ статистикѣ, и потрудился въ третьей книгѣ Фундуклеевой, въ «Статистическомъ Описаніи Кіевской губерніи». Но и въ той книгѣ — вся историческая часть о Кіевской губерніи и ея городахъ была изготовлена еще до появленія Журавскаго въ Кіевѣ.

Чтобы поправить ошибку Закревскаго, такъ невпопадъ огласившаго невѣдомое для него производство тѣхъ книгъ, я долженъ сказать тебѣ, какъ оно было на самомъ дѣлѣ.

По части кіевскихъ древностей, рабочимъ чело-
вѣкомъ у П. П. Фундуклея былъ *Семень Крыжановскій*, тотъ самый, о которомъ говорится и

въ Описаніи Кіева, по его статьямъ о кіевскихъ мозаикахъ и софійскихъ фрескахъ (см. на стр. 778 и 910). Закревскій замѣчаетъ о немъ: «жаль только, что у автора видна склонность блеснуть ученостью, не всегда къ дѣлу подходящею». Почему же бы и не блеснуть иногда ученостью тому, кто окончилъ курсъ наукъ въ академіи кіевской; въ сороковыхъ годахъ постоянно копался въ софійской бібліотекѣ и тамошнемъ архивѣ; а въ послѣдствіи работалъ въ новосоставленномъ центральномъ архивѣ кіевскомъ?... Но покойный Семенъ Крыжановскій былъ смиренный труженикъ, одинъ изъ тѣхъ, которымъ не разъ приходится повторять съ Іовомъ: «не искушеніе ли житіе челоуѣку на земли, и якоже наемника повседневнаго жизнь его!» *Добросовѣстно и тщательно* работалъ онъ года два или три надъ «Обозрѣніемъ Кіева». Наконецъ въ 1847 году, когда и транспортъ съ рисунками для *Обозрѣнія* былъ уже на пути изъ Парижа, вызвали и меня въ Кіевъ.

Памятно для меня 15-е мая. Ночевавши въ Броварахъ, я рано утромъ приѣхалъ къ Днѣпру. Онъ былъ тогда въ полномъ разливѣ; а на поромахъ переправляли цѣлую дивизію, и мнѣ приходилось дожидаться до слѣдующаго дня. Но тогда извѣстный своею книжкою козакъ *Осьмакъ*,

содержатель перевоза, и товарищъ его *Скокъ*, поспѣшали въ Кіевъ на торги, и предложили мнѣ оставить бричку мою на берегу до завтра, а самому отправиться съ ними. Солнце свѣтило ярко, но вѣтеръ былъ сильный, и волны на Днѣпрѣ клубились *барашиками*; а лодка была крошечная, *душегубка*.... Кое-какъ усѣлся я въ ней самъ-третій, между двухъ козаковъ. Жутко было мнѣ, пока отплывали отъ берега. «Онъ глотаеъ людей, какъ мухъ» — говоритъ Гоголь о взволновавшемся Днѣпрѣ. Но когда мы уже очутились надъ самую глубину Днѣпра, мнѣ стало необычайно легко и безопасно. Живо мнѣ тогда воображались и твои Варяги, и мои Запорожцы, нѣкогда сновавшіе по здѣшнимъ волнамъ. А эти горы — ненаглядныя, святыя кіевскія горы!....

Того же дня мнѣ вручено было *Обозрѣніе Кіева*, съ тѣмъ, чтобы напечатать его въ два мѣсяца, къ царскому приѣзду; и я охотно взялся за это дѣло. Печатающъ готовый текстъ *Обозрѣнія*, кое-гдѣ поправленный рукою Ивана Ивановича, я написалъ передовой *Очеркъ Кіева* и пополнилъ *Примѣчанія* изъ матеріаловъ, приготовленныхъ для третьей книги моего *Кіевлянина*. Туда вошли: мои выписки трехъ записей изъ Никольскаго евангелія 1411 года; листъ князя К. К. Острожскаго на гору Щековицу, сообщенный мнѣ

покойнымъ Д. Зубрицкимъ еще въ 1841 году, и прочая.... Къ половинѣ іюля, къ Владимірову дню, Обзорѣніе Кіева было совсѣмъ готово, въ великолѣпныхъ переплетахъ работы Штробиндера.... Вотъ тебѣ и *Журавскій!*

15 января 1868 г.

Михайлова-Гора.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Вчера я описалъ тебѣ 15-е мая, въ которое поспѣшалъ я — на перевозъ, на Кіевъ. Мнѣ памятно еще одно 15-е мая, надъ Москвой рѣкой, когда мы съ тобою — помнишь, въ 1850 году — поспѣшали въ Симоновъ. Въ тотъ день былъ у Мельхиседека *обѣдъ силенъ*, ради дорогаго гостя его, возвращавшагося изъ Петербурга въ Одессу. И какъ доволенъ былъ тогда Иннокентій, что наконецъ вырвался изъ Петербурга! Тогда, между прочимъ, онъ сказалъ намъ наединѣ: «*novus ordo* зачинается въ мірѣ» — и это было послѣднее изрѣченіе, слышанное мною изъ устъ его.... я видѣлъ его тогда уже въ послѣдній разъ!

Въ Кіевѣ былъ я провожатымъ къ Иннокентію, въ Братскій монастырь — тебѣ, и Надеждину,

и Жуковскому, и другимъ, изъ которыхъ ты одинъ уже остался на этомъ *вольномъ свѣту*.... Тебѣ и посвящаю мои воспоминанія о *Иннокентіи Кіевскомъ*.

Я увидѣлъ его въ первый разъ 15-го іюля 1834 года, на торжественномъ открытіи университета св. Владиміра. Въ качествѣ новопріѣзжаго изъ Москвы ректора, сидѣлъ я у кафедры, съ которой звучала латинская рѣчь профессора Якубовича *De pulchro Platónico*; а сидѣвшій возлѣ меня графъ Протасовъ нашептывалъ мнѣ изрѣдка свои замѣчанія о ней, чѣмъ доказывалось, что латинскій языкъ ему извѣстенъ. Съ любопытствомъ глядѣлъ я на многочисленную, парадную публику, изъ четырехъ губерній собранную. Во главѣ ея былъ митрополитъ Евгений, благословившій открытіе новаго всеучилища. Какъ онъ прекрасенъ былъ въ своей величавой простотѣ! Объ-руку съ нимъ красовался ближайшій другъ его въ Кіевѣ, престарѣлый герой *двенадцатаго* года, фельдмаршалъ Сакенъ. Имъ обоимъ подносили я дипломы на званіе первыхъ почетныхъ членовъ новорожденнаго университета. Но меня особенно занималъ отдѣльный рядъ духовныхъ лицъ: мнѣ хотѣлось угадать въ немъ знаменитаго ректора академіи.... и я угадалъ его! По окон-

чаніи акта, я успѣлъ подойти къ нему: и его первое, теплое слово мнѣ и рукожатье были залогомъ той пріязни, которою скрашена была моя семилѣтняя служебная жизнь въ Кіевѣ. Особенно въ первый годъ, когда, послѣ разлуки съ моими московскими друзьями и товарищами, одолѣвала меня сильная тоска, въ моемъ здѣшнемъ университетскомъ одиночествѣ, сдруженіе съ Иннокентіемъ было благотворною опорой для души моей. Незабвенны мнѣ тогдашнія его бесѣды со мною по вечерамъ; и его длинная келія въ Братскомъ монастырѣ, вся заваленная книгами и газетными листами; и выходная дверь изъ нея въ небольшой садъ, отдѣленный отъ міра каменною стѣною и ушпигованный (по выраженію Гоголя) устремленными къ небу тополями. Сколько разъ я приходилъ туда истомленный служебными дѣлами, кипѣвшими тогда подъ барабанною скороспѣшностью фонъ-Брадтке: и каждый разъ возвращался оттуда освѣженный душою и мыслию!....

И довелось мнѣ послѣ того лѣтъ черезъ двадцать быть въ томъ саду, среди учениковъ Иннокентія, собравшихся къ отцу ректору Антонію на чай, въ храмовой день Святаго Духа. Только-что собрались, приносятъ телеграфическое извѣстіе изъ Одессы, что вчера, въ Троицынъ день, преосвященный Иннокентій скончался. Всѣ были по-

ражены, какъ будто внезапный ударъ грома упалъ передъ нами. И какъ грустно-тяжело было мнѣ въ слѣдующій день слышать панихидное соборное пѣніе о немъ, въ Богоявленской церкви, гдѣ нѣкогда слышалось его живое, поучительное слово!....

«По мнѣ, въ предметахъ чтенія нѣтъ ничего болѣе занимательнаго, болѣе умилительнаго, чтенія писемъ, сохранившихся послѣ людей, имѣющихъ право на уваженіе и сочувствіе наше. Самыя полныя, самыя искреннія Записки не имѣютъ въ себѣ того выраженія истинной жизни, какими дышать и трепещутъ письма, написанныя бѣглою, часто торопливою и разсѣянною, но всегда, по крайней мѣрѣ на ту минуту, проговаривающейея рукою.... Письма — это самая жизнь, которую захватываешь по горячимъ слѣдамъ ея». Повторяя эти слова князя Вяземскаго, изъ его драгоценныхъ страницъ *О письмахъ Карамзина*, буду продолжать тебѣ мои воспоминанія объ Иннокентіѣ отрывками изъ его небольшихъ писемъ ко мнѣ, донинѣ у меня сохранившихся — къ сожалѣнію, не вполнѣ, ибо немало ихъ роздалъ я разнымъ лицамъ, желавшимъ имѣть у себя на память его рукописаніе.

16 января 1868 г.

Михайлова-Гора.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

«Съ постомъ — великимъ и святымъ! Благодарю за незабвеніе моего дня прежняго! А я поминалъ въ этотъ день съ братією незабвеннаго владыку Евгенія. Кончина его 23, но въ пятокъ не могло быть литургіи; потому и служили ее въ субботу. Уже три года! Такъ *fugit irreparabile tempus*»....

Сими словами начинается письмо Иннокентія — отъ 26 февраля 1840 года, изъ Михайловскаго монастыря. Онъ поминалъ Евгенія 24 февраля, въ субботу на масляной. Такъ и погребеніе его въ 1837 году было на масляной въ субботу. И вотъ уже *тридцать* лѣтъ прошло.... Давно уже нѣтъ Иннокентія.... *Fugit irreparabile tempus!*

Тотъ *прежній день*, въ который поминалъ онъ Евгенія, былъ именинный день его, прежняго *Ивана Борисова*. Иннокентій любилъ этотъ день, хотя онъ почти всякой годъ сопровождался ему похоронами или поминками. У меня сохранились еще два письма его объ этомъ днѣ, писанныя изъ Братскаго монастыря.

(23 февр. 1835 г.)

— «Завтра день моего ангела — прежняго, въ мірскомъ быту. Свободны ли вы? Если свободны, то

я просилъ бы васъ раздѣлить со мною братскую трапезу. У меня никого не будетъ, кромѣ васъ, и вы будете какъ дома. Касательно времени, предаю на вашу волю. Я могу васъ ждать въ 12, въ часъ и два, какъ вамъ свободнѣе: ибо я буду совершенно свободенъ. И такъ — милостивой резолюціи!»
(23 февр. 1836 г.)

— «Мои именины опять внезапно превратились въ день плача и сѣтованія. Погребаемъ профессора словесности, вчера скончавшагося *). Поэтому я, къ сожалѣнію моему, не могу провести съ вами

*) То былъ профессоръ академіи *Крышинскій*. А какъ участливъ былъ Иннокентій къ университетскому профессору словесности, о томъ, съ благодарностію къ святой памяти его, я напишу тебѣ еще слѣдующее письмо его, писанное осенью 1834 г., когда я проболѣлъ нѣкоторое время, послѣ первыхъ, слишкомъ пристальныхъ трудовъ:

«Добраго здоровья добрѣйшему Михаилу Александровичу! добраго здоровья и душевнаго и тѣлеснаго! Если благожеланія человѣческія имѣютъ какое-либо дѣйствіе, то мои вѣрно возымѣютъ, ибо происходятъ изъ глубины души. Притомъ же я нынѣ молился за васъ, хотя не чистымъ языкомъ, но отъ чистаго сердца. И такъ, будьте здоровы! Завтра, если вы будете въ 12 часовъ дома, я не премину васъ навѣстить: ибо видѣться съ вами, хотя изрѣдка, и поговорить, хотя немножко, сдѣлалось потребностію души для того, который преданъ вамъ совершенно.»

полдень: ибо надобно доставить хотя малое утѣшеніе сиротамъ и быть у нихъ. Могу ли надѣяться видѣть васъ у себя вечеромъ въ 7 часу, или въ понедѣльникъ въ 12. Избирайте любое, но непременно подарите меня однимъ какимъ либо изъ сихъ часовъ.»

Говоря объ именинномъ днѣ Иннокентія, могу ли не вспомнить, что въ этотъ день было въ Москвѣ погребеніе — и нашего *Гоголя*? Вотъ какія имена сходятся для воспоминанія на *24-е февраля!*

Но дсчтемъ Иннокентіево февральское письмо 1840 года.

— «Весьма жаль мнѣ вашего и нашего Кіева. Тутъ право нельзя не посѣтовать на цензуру вообще. А эти меценаты наукъ!... Весь этотъ либерализмъ испаряется въ словахъ безъ дѣйствія благаго.

«Что ваши ноги и ваши костыли? Не позволять ли вамъ.... вечеромъ прокатиться къ намъ? У насъ такъ тихо! Въ такомъ разѣ назначьте день и часъ.

«А между тѣмъ покорнѣйшая моя къ вамъ просьба—не предаваться изнурительнымъ трудамъ, не засиживаться, перемѣнять чаще положеніе, не задумываться, и пр. и пр.!

«И моя Седмица кончена: только не успѣла

выйдти, и по случаю первой седмицы должна оставаться въ типографіи до второй» *).

Мнѣ должно пояснить великое сожалѣніе Иннокентія о *Кіевѣ*. Оно относится къ знаменитому стихотворенію Хомякова. Когда въ 1839 году роковая болѣзнь подкосила мнѣ ноги, я предпринялъ тогда изданіе *Кіевлянина*, о чемъ написалъ и къ Алексѣю Степановичу. Но присланный имъ *Кіевъ* не былъ пропущенъ въ первой книгѣ «Кіевлянина» тогдашнимъ убійственнымъ цензоромъ, покойнымъ пріятелемъ моимъ, С. О. Богородскимъ; а князь Д. затормозилъ его даже и во второй книгѣ.... Мнѣ и теперь грустно вспоминать, подъ какою цензурною тяготою, и съ какими ущербами въ статьяxъ, печатались тѣ двѣ книжки моего *Кіевлянина*.... Прочтемъ лучше слѣ-

*) Она оставалась до четвертой. О томъ свидѣтельствуетъ слѣдующее письмо отъ 21 марта:

«Добраго здоровья! Наконецъ и моя книжица вырвалась изъ заключенія типографскаго. Спѣшу послать ее къ вамъ, въ той одеждѣ, какую на первый разъ, наскоро, можно было ей доставить, для прикрытія наготы естественной. Прошу любить и жаловать новую пришлицу въ міръ книжный, а всего болѣе и наипаче быть здоровымъ.»

дующія строки изъ письма незабвеннаго нашего Хомякова, отъ 24 ноября 1839 года:

«Пусть успѣхъ увѣнчаетъ ваши труды! Названіе *Кіевлянина*, которое вами избрано, очень счастливо, и въ этомъ словѣ много. Пора Кіеву отзывать русскимъ языкомъ и русскою жизнію. Я увѣренъ, что слово и мысль лучше завоевываютъ, чѣмъ сабля и порохъ; а Кіевъ можетъ дѣйствовать во многихъ отношеніяхъ сильнѣе Питера и Москвы. Онъ городъ пограничный между двумя стихіями, двумя просвѣщеніями.

«Съ истиннымъ удовольствіемъ посылаю вамъ стихи, которые внушены мнѣ именно названіемъ вашего журнала, и которые (дурны-ли, хороши-ли) вылились изъ-подъ моего пера, какъ только голова и сердце успокоились отъ недавнихъ ударовъ. Желаю, чтобы полученіе этой пьесы было вамъ хотя вполовину такъ пріятно, какъ мнѣ пріятно посылать ее....»

До слѣдующаго письма!

19 января 1868 г.

Михайлова-Гора.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

Я долженъ отложить *продолженіе впродъ*. Мнѣ трудно для глазъ и тяжело для души разбирать и переписывать тебѣ письма Иннокентія, по отвычкѣ отъ его неразборчиваго почерка. Но вотъ еще одно письмецо его ко мнѣ, писанное на масляной, должно быть въ февралѣ 1841 года, и также о похоронахъ....

— «Спасибо, что откликнулись! Вамъ было не по себѣ, а я чуть не слегъ, не отъ масленицы, а для масленицы. На бѣду надлежало еще опускаться въ землю общаго пріятеля нашего, г. коменданта. Все это такъ разстроило меня, что я принужденъ отказать себѣ въ удовольствіи имѣть у себя завтра кругъ добрыхъ нашихъ собратій... Соберемся, Богъ дастъ, среди поста, въ какой-либо хорошенькій день. Между тѣмъ, какъ бы хорошо было, еслибы завтра пожаловали вы одни часу во 2-мъ вначалѣ. Мы бы съ вами досыта наговорились о всякой всячинѣ. Не то — заверните къ намъ когда-либо на слѣдующей недѣлѣ. Двери келій моихъ всѣ и всегда для васъ отверсты. Добраго вамъ здоровья!»

Покойный комендантъ, котораго хоронилъ въ 1841 году Иннокентій, былъ человѣкъ до-

брѣйшей души, а тѣломъ онъ — скажу словами Нестора о Болеславлѣ храбромъ: «бѣ бо — великъ и тяжекъ, яко и на кони не могый сѣдѣти.»

То былъ — генераль-лейтенантъ *Павель Петровичъ Турчаниновъ*. Въ новой книгѣ Закревскаго, при исчисленіи комендантовъ кіевскихъ, онъ остался незамѣченнымъ. Тамъ означены въ концѣ: «15. Петръ Андреевичъ Аракчеевъ, г.-м., 1818 г. 16. Александръ Лаврентьевичъ Пенхержевскій 1-й, 1841 г.» (См. стр. 895). Но между сими двумя, было еще три коменданта, а именно: *Гебель* съ 1829 года, *Труссонъ* съ конца 1834 года, и *Турчаниновъ* съ октября 1835 года, т. е. съ того памятнаго для меня времени, когда и ты, и Надеждинъ, и Кирѣевскій, Петръ Васильевичъ, и Княжевичъ, Дмитрій Максимовичъ разомъ нагрязнули изъ-за границы въ Кіевъ, и я съ каждымъ изъ васъ поочередно усиѣвалъ быть у Иннокентія, при всей многосложности тогдашнихъ моихъ занятій и дѣлъ. Къ тому времени относится и слѣдующее его письмо ко мнѣ:

— «Гдѣ вы завтра обѣдаете? Если свободны, то пріѣзжайте ко мнѣ съ г. Погодинымъ. Я вамъ буду радъ отъ души; а между тѣмъ гость можетъ посмотрѣть со мною, если угодно, Академію. Хоть въ ней не много примѣчательнаго, но все-таки

для такого почтеннаго историка стоить взглянуть на одинъ изъ предметовъ исторіи. Въ случаѣ согласія, прошу увѣдомить, чтобъ не ждять напрасно. А между тѣмъ будьте здоровы и веселы. Сего желаетъ вамъ отъ души вашъ И.»

Прощай!

25 января 1868 г.

Михайлова-Гора.

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

....Ой, изгадай, друже милый,

Якъ зо мною ты гулявъ

На Скавицѣ, да шукавъ

Въщого могилы!...

Мы чужихъ могилъ шукаемъ,

А могила знайде насъ.

Колижь прійде смертний часъ,

Того не вгадаемъ!—

Такъ писалъ я отсюда нашему кіево-подольскому пріятелю, который *утеръ нота* надъ старописьменными памятниками Юго-Западной Росіи, да и въ могильной порошокъ покопался изрядно. Съ нимъ однажды, помнится въ 1856 году,

ѣздила я на Щеговицу, чтобы посмотрѣть вдвоемъ: гдѣ могла быть тамъ могила *Въщаго Олега*? И встрѣтился намъ, среди несмѣтнаго множества могилъ позднѣйшаго времени, презанимательный жилецъ сосѣдняго удоля. Онъ привелъ насъ къ площадкѣ на *сѣверовосточной* сторонѣ горы, и сказалъ: «Тутъ была могила Олега!» — сказалъ съ увѣренностью, живо мнѣ напомнившю покойнаго Кондратія Андреевича Лохвицкаго. Что же это указаніе любопытнаго кіянина: мѣстное преданіе, или недавняя выдумка? Скорѣй, выдумка, но объ которой можно сказать великорусскою пословицей: «догадка лучше разума»; ибо никто изъ ученыхъ кіевоописателей не указалъ еще намъ лучшаго и вѣроятнѣйшаго мѣста для Олеговой могилы на Щеговицѣ.

Въ такъ называемыхъ *мѣстныхъ преданіяхъ* нерѣдко повторяются только позднѣйшія мнѣнія и догадки грамотныхъ людей; но иногда въ нихъ отзывается и глубокая древность, особенно въ мѣстныхъ именахъ. Напримѣръ, тотъ отрогъ Старокіевской горы, который высится надъ Гончарами и Кожемяками съ *западной* ихъ стороны, зовется *Дитинцемъ*. Это имя не записано нигдѣ; но оно, очевидно, ведется тутъ издревле, и показываетъ собою, что для жителей Кожемяцкой дебри — тѣмъ отрогомъ горы начинался *дѣти-*

нець «великаго града Кіева», заложенаго Ярославомъ въ 1037 году. Пропущенное въ лѣтописаніи слово донинѣ хранится въ устахъ и памяти мѣстныхъ жителей.

Но возвратимся на Щековицу или Скавику, на которой однако мы съ тобою не были, кажется, обозрѣвая Кіевъ въ 1835 году. А у меня она — какъ будто передъ очами. Я былъ на ней въ іюнѣ прошлаго года — и знаешь ли съ кѣмъ? Съ нашимъ заслуженнымъ старѣйшиною, Дмитріемъ Матвѣвичемъ Перевощиковымъ, который былъ уже гимназическимъ учителемъ, когда я гулялъ еще пятилѣтнимъ хлопцемъ.

Тамъ на Скавикѣ, у самой церкви Всѣхъ Святыхъ, погребень и мой прадѣдъ, блаженной памяти, Иванъ Леонтьевичъ Максимовичъ, бунчуковый товарищъ. Въ 1787 году былъ онъ въ числѣ уѣздныхъ предводителей кіевского намѣстничества, провожавшихъ Екатерину Вторую по Днѣпру, отъ Кіева до Кременчука.... Да почіеть прахъ его съ миромъ!

Въ Описаніи Кіева Закревскаго, на стр. 882-й, сказано: «*г. Журавскій*, въ обозрѣніи Кіева, пишетъ слѣдующее: «Въ началѣ 17-го вѣка, Щековица составляла уже достояніе коронное; и когда Днѣпръ началъ вторгаться опять въ средину Подола, и сильными наводненіями беспокоить жите-

лей, то король Сигизмундъ III, для распростра-
ненія города, далъ гражданамъ кievскимъ на эту
гору привилегію 15 февраля 1619 года.» Но къ
сожалѣнію, мы нигдѣ не встрѣчали этой грамоты;
къ тому же авторъ не сказалъ, гдѣ ее видѣть
можно».

Сожалѣніе не напрасное: то грамота не мало-
важная — и по данному ею праву, и по назван-
нымъ въ ней урочищамъ, особенно по *Юркову*
ставку, еще бывшему въ началѣ 17-го столѣтія,
но изсякшему къ началу 18-го, когда изъ той
долины протекалъ уже только *Юрковъ потокъ*....
Скажу для тебя, что весною 1701 года, при мно-
голюдной громадѣ кiянъ, подъ горою Скавикою,
читали и слушали ту грамоту генеральные стар-
шины — Кочубей, Скоропадскій, Гамалѣя и Савичъ,
пріѣзжавшіе изъ Батурина въ Кіевъ, по повелѣ-
нію гетмана Мазепы, разсудить и помирить кiev-
скаго войта съ игуменомъ Кирилловскаго мона-
стыря.... А видѣть ту грамоту можно всякому —
въ *Сборникъ Муханова*, 1866 года, на стра-
ницахъ 449—451. А взята она — изъ старопись-
менной книги кievскихъ актовъ, которую я со-
общилъ Павлу Александровичу, въ проѣздъ его
черезъ Кіевъ въ 1835 году, и которая обстоя-
тельно описана имъ въ прежнемъ его *Сборникъ*,
1836 года (См. *Примѣчаніе* къ № 91, въ обо-

ихъ Сборникахъ). Закревскій, въ своемъ обширномъ Описаніи Кіева, перечисляетъ 119 источниковъ, между которыми есть мѣлчайшіе и совсѣмъ пустые; а между тѣмъ онъ упустилъ изъ виду двукратно изданный *Сборникъ Муханова*, въ которомъ прежде чѣмъ гдѣ-либо напечатаны весьма важныя грамоты города Кіева.

Что же касается до могилы Вѣщаго Олега, то на двухъ первыхъ планахъ древняго Кіева, новоначертанныхъ Закревскимъ, означены: *Щековица* сама по себѣ, и особо отъ нея *Ольгова могила*. Признаюсь, я не вижу основанія для такого ихъ разлученія, и нахожу оное напраснымъ. У Нестора сказано объ Олегѣ: «И погребоша и на горѣ, иже глаголется *Щековица*; есть же могила его до сего дни, словеть *могила Ольгова*.» Изъ дальнѣйшей Кіевской лѣтописи видно, что ту гору кіяне называли и *Щековицею*, и *Ольговою могилою* и просто *Ольговою*, подобно тому какъ называли: *Увозъ Боричевъ*, и просто *Боричевъ*, и проч.

До слѣдующаго письма!

29 января 1868 г.

Михайлова-Гора.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ.

Посмотримъ на ближайшую къ Шековицѣ гору *Киселевку*, на которой нѣкогда стоялъ Кіевскій замокъ, а лѣтъ за десять устроено тамъ кладбище Флоровскаго женскаго монастыря съ красивою церковью во имя св. Троицы.

Закревскій, въ нынѣшнемъ Описаніи Кіева, говоритъ слѣдующее: «по неизвѣстному намъ источнику, или по догадкѣ, *г. Журавскій* (т. е. *Крыжановскій*) сообщаетъ, что на мѣстѣ бывшаго замка кіевляне долго засѣвали свои огороды и баштаны. Сколько мы припомнимъ съ 1812-го по 1830-й годъ, поверхность Уздыхальницы и Киселевки была рѣшительно ничѣмъ не занята; около 1816 года изрѣдка, лѣтомъ, Киселевка служила сборнымъ мѣстомъ для кулачнаго боя; но полиція вскорѣ прекратила это наслажденіе рабочаго люда» (стр. 372).

Въ прежнемъ своемъ Описаніи Кіева, изданномъ 1858 года, Закревскій говорилъ: «Впрочемъ, послѣ приведенныхъ выше свидѣтельствъ, я почитаю мнѣніе Максимовича, что Кіевскій замокъ находился на горѣ Киселевкѣ, вѣроятнѣйшимъ предъ другими» (стр. 135).

Дѣйствительно, означенное помѣщеніе замка опредѣлено было *моимъ* соображеніемъ, въ «Кіев-

лянинѣ» 1840 года. Но когда въ слѣдующемъ 1841 году покойный баронъ Шодуаръ сообщилъ мнѣ неизвѣстную дотолѣ стародавнюю *Ревизию* Кіевскаго замка, — когда въ 1844 году обнаружена была въ книгѣ *Zrzódla* такая же Ревизія, составленная въ половинѣ 16-го вѣка: тогда помещеніе замка на горѣ Киселевкѣ стало уже не моимъ личнымъ *мнѣніемъ*, болѣе или менѣе вѣроятнымъ, но положительнымъ и достовѣрнымъ свидѣтельствомъ современниковъ. ✓

Между тѣмъ Закревскій и въ нынѣшнемъ Описаніи своемъ говоритъ: «Приведемъ наконецъ третье *мнѣніе*, выраженное М. А. Максимовичемъ, и которое для извѣстныхъ нашихъ писателей служило доселѣ авторитетомъ». И далѣе: «Г. *Журавскій* въ своемъ Обзорѣніи Кіева еще болѣе развилъ это *мнѣніе*, и оно получило кажущійся авторитетъ». И наконецъ: «И такъ, послѣ всего того, что мы о Кіевскомъ замкѣ *разыскали*, съ *мнѣніемъ* М. А. Максимовича невозможно согласиться» (стр. 369—371). Вотъ какая перемѣна сталась послѣ моихъ недавнихъ «Археологическихъ записокъ о Кіевѣ». Но что же новаго *разыскалъ* Закревскій о Кіевскомъ замкѣ? Не разыскалъ ничего; а выдумалъ много! Главная выдумка та, что на своихъ новоначертанныхъ планахъ прежняго Кіева, *три отдѣльныя горы* — Киселевку,

Клинецъ и Вздыхальницу — онъ сдвинулъ *въ одну нераздѣльную гору*, оставляя ихъ въ такомъ видѣ даже до 1715 года (стр. 400). Говорите же послѣ этого, что «гора съ горою не сходится!» Задавшись своею мыслию о сліяніи тѣхъ трехъ горъ въ одну, Закревскій повелъ длинную противъ меня полемику, при которой многое, на тѣхъ горахъ бывшее, представилось ему не на своихъ мѣстахъ и не въ своемъ видѣ, и среди которой онъ, обратясь ко мнѣ, говоритъ такими словами: «нѣтъ, Михаилъ Александровичъ! далеко еще до *слѣдственно*. Такъ легко строятся только воздушные замки» (стр. 402).

Полно, такъ-ли?... А современнаго свидѣтельства, что Кіевскій замокъ стоялъ именно на той горѣ, которая со второй половины 17-го вѣка зовется *Киселевкою*, опровергнуть невозможно.

Посмотрите, какъ ясно обозначены тѣ кіевскія горы въ стародавней, вышепомянутой *Ревизіи Кіевского замка*.

— «*Гора Замковая* высокая досыть и прикра. Къ ней прилегли близко *иныи горы*, также высокіи. Одъ *полуночное* стороны, за брамою *Воеводиною*, прилегла гора на име *Щековица*, съ которое видно все посередъ замку; бо гора Замковая съ тое стороны похила на долъ, а въ серединѣ вышшая, нежли по краямъ; а такъ по-

треба бы и тамъ впоперекъ тарасу, который бы щитиль одъ горы оное Щекавицы.

«А зъ другое стороны, одъ *полудня*, за *Драбскою* брамою, только *черезъ ровъ*, где можетъ чоловикъ каменемъ зъ руки докинути..... прилегла гора на име *Клинецъ*, ровна зъ *Замковою*. А *другая*, тамъ же *подалей*, выща, на име *Вздыхальная*; але тая остра, можетъ быти *унижона копанемъ*.

«А еще одъ третее стороны, одъ *заходу слонца*, одъ церкви светого Спаса, гора высокая также, яко *Замковая*».

— *Видите ли горы сія?*

А у *Закревскаго*, *три* горы — *Замковая* (*Киселевка*), *Клинецъ* и *Вздыхальная* — *сходятся въ одну* сплошную гору, и онъ *городить* на ней *Кіевскій замокъ* — *даже до нынѣшней Андреевской церкви*, и *переставляетъ* сюда съ *Киселевки Драбскія* ворота *замка*, на мѣсто бывшихъ здѣсь *воротъ Кіевскихъ*....

И вышелъ замокъ тотъ, мечтѣ его послушный,
Съ *полуночи—земной*, къ *полуднію—воздушный!*

3 февраля 1868 г.

Михайлова-Гора.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ.

Съ грустнымъ удовольствіемъ переглядѣлъ я всѣ цвѣтки и листки твоего «Вѣнка на могилу высокопреосвященнаго Иннокентія». При этомъ замѣтилъ я въ немъ нѣкоторыя неправильности, и во-первыхъ, слѣдующую:

Съ самаго начала въ «Послужномъ спискѣ Иннокентія», сказано: «Всемиловитѣйше повелѣно быть ему епископомъ вологодской епархіи, *1840 года марта 1*»; и вслѣдъ за тѣмъ: «получилъ признательность святѣйшаго синода за особую попечительность о благѣ своей паствы, *1840 года декабря 29*» (стр. 5). Я подумалъ, что здѣсь случайная ошибка въ годѣ, какія пречасто встрѣчаются. Но читаю далѣе «Біографическую записку» о преосвященномъ Иннокентіѣ — ординарнаго академика, преосвященнаго Макарія — и въ ней сказано: «Насталъ наконецъ для преосвященнаго Иннокентія третій и послѣдній періодъ его жизни — періодъ служенія церкви и отечеству въ санѣ епархіальнаго архіерея. 1 марта 1840 года Высочайшимъ указомъ онъ назначенъ во епископа вологодскаго.... 31 декабря *того же года* преосвященный перемѣщенъ въ епархію харьковскую» (стр. 30).

Мнѣ слишкомъ памятенъ *годъ и день*, когда я

прощался съ Кіевомъ и съ Иннокентіемъ, думая (какъ и многіе въ Кіевѣ тогда думали), что мнѣ уже не видать ихъ во вѣки. Я простился съ Иннокентіемъ въ Михайловскомъ монастырѣ, 28 апрѣля 1841 года, когда и онъ былъ уже на выѣздѣ въ Вологду. И такъ, въ 1840 году и въ первую треть 1841-го Иннокентій принадлежалъ еще Кіеву *). А для полнаго въ томъ удостовѣренія,

*) Въ подтвержденіе этого позволяемъ себѣ привести: а) Указъ Е. И. В. Самодержца Всероссійскаго, изъ святѣйшаго правительствующаго синода. По именному высочайшему Е. И. В. указу, въ 1-й день сего марта на докладѣ синода состоявшемуся, коимъ повелѣно: вологодскому епископу Стефану быть архіепископомъ астраханскимъ, а на мѣсто его епископомъ вологодскимъ быть викарію кіевской епархіи, чигиринскому епископу Иннокентію, св. правит. синодъ, между прочимъ, приказали: для свѣденія о семъ высочайшемъ Е. И. В. повелѣніи въ московскую и грузино-имеретинскую св. синода конторы, въ бѣлорусско-литовскую духовную коллегію, къ синодальнымъ членамъ и прочимъ преосв. епархіальнымъ архіереямъ, также въ ставропигіальныя лавры и монастыри и въ контору московской синодальной типографіи послать указы; правительствующему же сенату сообщить вѣденіемъ. Марта 12 дня 1841 года. б) Въ святѣйшіи правительствующій синодъ Иннокентія, епископа вологодскаго и устюжскаго, репортъ. Въ слѣдствіе указа Е. И. В. изъ св. правит. синода отъ 8 марта сего 1841 года за № 2335, честь имѣю благопочтениѣше донести, что я по здачѣ Кіево-Михайловскаго монастыря со всеѣмъ его имуществомъ и приходорасходными книгами назначеннымъ отъ преосвященнаго митрополита кіевскаго лицамъ, и по полученіи отъ нихъ въ томъ надлежащей квитанціи, отправившись въ путь 4 числа прошедшаго мѣсяца (*т. е. мая*), и осмотрѣвъ на пути,

перепишу тебѣ съ буквальною точностью слѣдующее его письмо:

Вологда. Дек. 22, 1841.

«Не говоривши ни слова съ почтеннѣйшимъ Михаиломъ Александровичемъ семь мѣсяцевъ, надобно бы, начавъ говорить, проговорить по крайней мѣрѣ семь часовъ, а я хочу сказать только нѣсколько словъ. Почему такъ? Потому, что я даже не увѣренъ, что письмо мое дойдетъ до его рукъ. Въ самомъ дѣлѣ, что значить это долгое временное молчаніе съ его стороны? Думаю, думаю, и не могу придумать ни слова въ отвѣтъ себѣ. Къ кому не обращался я за извѣстіемъ и куда? и въ Кіевъ и въ Москву:—одинъ отвсюда отвѣтъ: не знаемъ, не знаемъ. Знаете ли, какъ это мнѣ больно! — Писать въ Каневъ? — Лѣтомъ я думалъ, но все ждалъ отъ васъ письма. Осенью полагалъ, что васъ тамъ уже нѣтъ. Теперь и подавно не знаю, гдѣ вы, и пишу прямо на удачу. Не будьте взыскательны по краткости письма: оно очень,

въ Москвѣ, синодальную бібліотеку, по предмету составленія Догматическаго Сборника, прибылъ того же мѣсяца 29 числа въ Вологду, и по принесеніи Господу Богу моленія, немедленно вступилъ въ отправленіе своей должности. Вашего святѣйшества покорнѣйшій послушникъ Иннокентій, епископъ вологодскій и устюжскій. № 140-й, іюня 5 дня 1841 года.

П. Саввантовъ.

очень распространилось бы, если бы летѣло прямо въ ваши руки.

«Теперь на первый разъ, между прочимъ, и вотъ что очень нужно. Изъ Волыни протоіерей *) убѣдительноше просить выслать ему обратно разныя бумаги съ документами. Эти документы необходимы ему для какихъ-то процессовъ. Помнится, я ихъ передалъ вамъ на разсмотрѣніе, и въ дополненіе къ свитку о Острожскомъ братствѣ **). Отыщите, пожалуста, и перешлите ему поскорѣе, по адресу, у сего прилагаемому. Онъ еще нѣчто прислалъ ко мнѣ изъ волынскихъ древнихъ бумагъ: узнавши, гдѣ вы, я вышлю ихъ къ вамъ.

«Спросите: каково намъ въ Вологдѣ? Не худо, только очень трудно: надобно все устроить съ ногъ до головы.»

Вологда припомнила мнѣ покойнаго друга-товарища нашего, Надеждина, который не разъ писалъ мнѣ оттуда, въ отвѣтъ на мои письма. Перепишу тебѣ конецъ перваго, большаго письма, отъ 23 мая 1837 г.

— «Засвидѣтельствуй мое глубочайшее уваженіе преосвященнѣйшему Иннокентію и попроси для меня его пастырскаго благословенія. Какъ бы я

*) Луцкій протоіерей Исидоръ Метельскій.

***) Здѣсь обмолвкой поставлено Острожское братство вмѣсто *Луцкаго*.

желалъ видѣть новое періодическое изданіе, которое уже вѣрно издается подъ его главнымъ распоряженіемъ, какъ я предполагаю. Вашъ новый митрополитъ очень меня знаетъ, знаетъ издѣтства. При случаѣ, еслибъ зашла про меня рѣчь, скажи ему, что я помню его предреченія и храню, какъ святыню, образъ, которымъ онъ нѣкогда благословилъ меня».

Въ слѣдующемъ 1838 году, 28 февраля, Надеждинъ писалъ мнѣ:

— «Здорово, любезнѣйшій другъ и братъ! Ты видишь, что я пишу къ тебѣ уже изъ Вологды, гдѣ обрѣтаюсь другой мѣсяцъ. Гнѣвъ провидѣнія начинается прелagаться на милость. Я уже тысячью верстами ближе къ свѣту. Я уже опять на Руси, между людьми, а не въ Лукоморьѣ, среди Югры, языка нѣма. Но — прошедшее прошло! Что беспокоить тебя имъ?»

«Благодарю тебя за неизмѣнную любовь, которая нашла меня и на днѣ злосчастія! Письмо твое и книги я получилъ еще тамъ. Рѣчь о Кіевѣ прочель съ истиннымъ наслаженіемъ.

«Да! Кіевъ былъ востокомъ Русской жизни. Ему предлежитъ теперь дѣятельное участіе въ ея полуденныхъ трудахъ. И какъ я радъ видѣть тебя въ челѣ новаго поприща, открывающагося для древней матери градовъ Русскихъ!

«Драгоцѣнно и для меня лично, что я, во время изгнанія моего изъ предѣловъ Руси, наслаждался постояннымъ сношеніемъ съ Кіевомъ черезъ «Воскресное Чтеніе». Конечно, я обязанъ тѣмъ памяти и участію преосвященнѣйшаго Иннокентія, котораго духъ ощутителенъ въ этихъ истинно превосходныхъ листахъ, украшеніи нашей духовной словесности. До сихъ поръ я не позволялъ себѣ излить всю мою благодарность почтеннѣйшей редакціи, которая почтила меня приглашеніемъ участвовать въ ея достохвальныхъ трудахъ. Но это происходитъ отъ того, что я хочу выразить эту благодарность не словами, а дѣломъ. Въ Усть-сысолькѣ я не могъ этого сдѣлать. «Како воспоемъ пѣснь Господню на землѣ чуждей? На рѣкахъ Вавилонскихъ тамо сѣдохомъ и плакахомъ». Теперь, чувствуя себя покойнѣе и свѣжѣе, я поставлю себѣ священною обязанностию исполнить этотъ долгъ признательности. Уже собралъ и матеріалы для статьи, гдѣ хочу напомнить Кіеву его животворящее вліяніе на русскій сѣверъ чрезъ спасительный свѣтъ христіанства. Здѣсь слѣды этого вліянія еще такъ свѣжи. Здѣсь древности, особенно церковныя, не завѣялись еще новизною....» и т. д.

7 февраля 1868 г.

Михайлова-Гора.

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ.

Читая въ «Вѣнкѣ» твой болѣзненный вопль о *кончинѣ Иннокентія*, я отмѣтилъ въ немъ слѣдующія слова: «въ журналахъ нашихъ, въ продолженіи двадцатилѣтней слишкомъ дѣятельности Иннокентіевой, вы не найдете двухъ страницъ о его сочиненіяхъ. Драгоцѣнныя сочиненія Иннокентія пройдены молчаніемъ отъ современной критики» (стр. 66).

Съ 1840 года, я пересталъ уже слѣдить за русскими журналами, и о многихъ знаю только по слуху. Но я напому тебѣ, любезный другъ, о тѣхъ *страницахъ*, какія находятся въ твоёмъ журналѣ «Москвитянинѣ», и написаны нашимъ незабвеннымъ мыслителемъ, *Иваномъ Васильевичемъ Кирѣевскимъ* *). Онъ одинъ за всѣхъ, еще въ 1845 году, отозвался голосомъ истинно *современной критики* о безсмертныхъ произведеніяхъ нашего великаго проповѣдника. Библиографическая статья Кирѣевского написана была по поводу двухъ

*) Въ томъ же «Москвитянинѣ» была еще статья, написанная *С. П. Шевыревымъ* по поводу изданныхъ въ 1841 и 1842 годахъ Первой, Страстной и Свѣтлой Седмиць Иннокентія. См. Москвит. на 1842 г. ч. II. № 4. стр. 439 — 506.

новыхъ книгъ, содержащихъ *Бесѣды на св. Четырѣдесятницу*, изданныхъ въ Харьковѣ 1844 года, когда Иннокентій былъ уже въ новомъ періодѣ своей жизни, когда и въ характерѣ его проповѣди оказалась перемѣна, тогда же примѣченная *критикомъ* и означенная въ концѣ его статьи. А начинается она такъ: «Все, выходящее изъ-подъ пера преосвященнаго Иннокентія, принадлежитъ не одному богословію; оно составляетъ вмѣстѣ богатое украшеніе нашей словесности вообще.... Произведенія преосвященнаго Иннокентія представляютъ особенный характеръ духовнаго краснорѣчія, выражающійся болѣе или менѣе во всѣхъ его сочиненіяхъ, но преимущественно обозначившійся въ его двухъ *Седмицахъ* — *Страстной и Свѣтлой*»....

Очевидно, что Кирѣевскій, говоря объ *особенномъ характерѣ* краснорѣчія Иннокентія, имѣлъ въ виду тотъ характеръ, съ какимъ являлся онъ въ цвѣтушій періодъ своей кievской жизни. Обозначивъ два противоположные способа проповѣдническаго дѣйствования, принадлежавшіе «преимущественно *двумъ великимъ* современнымъ учителямъ нашей церкви», т. е. Филарету Московскому и Иннокентію Харьковскому, Кирѣевскій такъ выразилъ характеръ краснорѣчія Иннокентіева:

«Если слово его, проникнутое живостію какъ

бы непосредственного воззрѣнія на изображаемыя имъ событія, согрѣтое приложеніемъ высшихъ истинъ къ очевидному и, такъ сказать, осязательному обозначенію нашей современной жизни, если оно и рѣдко касается вопросовъ догматическихъ, рѣдко стремится разрѣшить сомнѣнія мысленныя, — то тѣмъ не менѣе, дѣйствуя прежде на чувство, оно не только не забываетъ умственного устройства нашего современного многомыслія, но (что составляетъ особенность его краснорѣчія), не говоря о нихъ, самымъ способомъ сердечнаго возбужденія оно уже отвѣчаетъ на тѣ умозрительныя вопросы, на то утонченное раздвоеніе ума, которые составляютъ отличительный характеръ нашего вѣка.

«Читая преосвященнаго Иннокентія, вы чувствуете, что ему не безъизвѣстны ваши мысленныя волненія, что вся гордость разумнаго развитія, всѣ хитросплетенія современной науки, не могутъ представить ему никакого новаго возраженія, еще незнакомаго его многотрудившейся мысли, еще не побѣжденнаго вѣрою въ глубинѣ внутренняго сознанія.

«Этимъ, кажется, объясняется всеобщее дѣйствіе его проповѣди, равно согрѣвающей сердце человѣка безграмотнаго и многоученаго: это теплое слово вѣры твердой, не бессознательной, но уже испытавшей упорную борьбу съ разумомъ, вѣры мыслящей и непобѣдимо прошедшей сквозь всѣ на-

паденія свѣтской мудрости, сквозь всѣ затрудненія оторвавшейся отъ неба науки.» *)

8 февраля 1868 г.

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ.

Беру на замѣтку въ твоемъ «Вѣнкѣ — еще *Воспоминанія* отца Іоасафа Гапонова, автора «Владимірскихъ Достопамятностей», бывшаго студентомъ въ кievской академіи въ 1833—1837 годахъ. При чтеніи ихъ замѣтилъ я слѣдующія неправоильности.

О. Іоасафъ говоритъ: «Однажды — это было въ 1834 году — въ недѣлю Пасхи, вдругъ захотѣлось преосвященному, чтобы литургія была совершена на греческомъ языкѣ въ академической церкви....» (стр. 87).

Здѣсь ошибка въ годѣ. Я пріѣхалъ въ Кіевъ 13 іюля 1834 года; а между тѣмъ я слушалъ ту замѣчательную литургію на греческомъ языкѣ; слѣдовательно, ее служили — не ранѣе 1835 года.

Но вотъ еще «событія, достойныя памяти» (см. стр. 80). О. Іоасафъ говоритъ, что по открытіи университета св. Владиміра 15 іюля 1834 года, «г. фонъ-Брадке часто посѣщаль покойнаго

*) См. *Полное собраніе сочиненій И. В. Кирьевскаго*, издан. А. И. Кошелевымъ. М. 1861 г. Т. II. стр. 205—209.

преосвященнаго. Можно было тотчасъ понять цѣль и намѣреніе этого посѣщенія. Одно изъ таковыхъ посѣщеній было замѣчательно по слѣдующему разговору между попечителемъ университета и покойнымъ преосвященнымъ.

— «Вы, сказалъ г. фонъ-Брадке Иннокентію, порекомендовали мнѣ законоучителя для университета, вашей академіи профессора, протоіерея И. М. Скворцева, и я вамъ очень благодаренъ». «Да, отвѣчалъ покойный преосвященный: это у насъ столпъ академіи». — «Теперь, продолжалъ г. фонъ-Брадке: прошу васъ покорнѣйше дать мнѣ еще наставника для философскаго предмета. Вообразите, какое мое положеніе: въ университетѣ, какъ вамъ извѣстно, открыто столько-то факультетовъ, и есть уже наставники, а для философскаго факультета нѣтъ. Присылали, правда, нѣмецкіе доктора свои сочиненія, желая занять философскую кафедру. Совѣтъ университета разсматривалъ эти сочиненія, и они оказались довольно неудовлетворительными». — «Это плохо», отвѣчалъ покойный преосвященный: «видно, надобно оказать вамъ помощь и въ этомъ случаѣ. Извольте; рекомендую вамъ одного изъ нашихъ бакалавровъ, г. Новицкаго».

Это разговоръ вымышленный, котораго не было и не могло быть. Честь приглашенія въ профес-

соры университета И. М. Скворцева — принадлежить попечителю; но опредѣленіе въ университетъ О. М. Новицкаго — было мое дѣло, которое и поясню тебѣ, ради исторической истины объ университетѣ. Е. Θ. фонъ-Брадке именно хотѣлъ и настаивалъ, чтобы выбранъ былъ одинъ изъ тѣхъ «нѣмецкихъ докторовъ», или Поссельтъ, или Штейнъ. А мнѣ хотѣлось на эту кафедру — русскаго человѣка, и непременно изъ академіи кievской, гдѣ философія была тогда въ полномъ развитіи. Я обратился къ Иннокентію, и онъ назвалъ мнѣ Новицкаго, говоря, что для университета онъ будетъ представительнѣе другихъ бакалавровъ, а въ академіи на его мѣсто поступить Авсенева. На ту же пору приспѣло министерское предписаніе С. С. Уварова, чтобы философія и всѣ прикосновенныя къ ней науки были преподаваемы въ духѣ *Православія, Самодержавія и Народности*; — а для философіи собственно указана была статья о ней *Ботэня*, напечатанная въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія». Тогда я отправился съ диссертациями тѣхъ нѣмецкихъ докторовъ къ профессору И. М. Скворцеву, чтобы онъ разсмотрѣлъ ихъ, удовлетворяють ли онѣ вышепомянутымъ требованіямъ; и объявилъ ему о Новицкомъ, говоря, что намъ въ университетъ желателенъ — *его ученикъ философіи!* И

какъ теперь слышу его, сказавшаго: «Нѣтъ, тамъ уже *другіе учителя!*»

Не замедлилъ онъ написать свое мнѣніе о тѣхъ диссертаціяхъ; оно было не въ ихъ пользу и тотчасъ же заслушали его въ *факультетъ*; и въ томъ же факультетскомъ засѣданіи предложень былъ на каѳедру философіи Новицкій, и вслѣдъ за тѣмъ представлень черезъ *совѣтъ* университета на утвержденіе къ попечителю. Покойный Егоръ Ѳедоровичъ сначала былъ очень недоволенъ таковымъ выборомъ, но въ-послѣдствіи самъ радовался пріобрѣтенію этого блестящаго преподавателя. Да и ты же, въ 1835 году, былъ у него на лекціи!

О. Іоасафъ прибавляетъ еще слѣдующее: «Г. Новицкій, по назначенію совѣта университета, долженъ былъ приготовить вступительную лекцію, и предложить ее публично въ университетской залѣ. Для этого приглашены были: покойный митрополитъ Евгеній, нашъ ректоръ и вся знать кievская. Орестъ Марковичъ Новицкій блистательно выдержалъ пробу; а мы студенты были отъ этого въ восторгѣ» (стр. 81).

Нѣтъ. На ту вступительную лекцію не были приглашены — ни Евгеній, ни Иннокентій, и никто изъ кievской публики; она, по обыкновенію, прочтена была за-просто, въ аудиторіи, въ присутствіи только своихъ университетскихъ членовъ, да попечителя.

Такъ-то молва и преданіе измѣняютъ дѣйствительную быль! Но мы знаемъ, что еще и въ древнемъ Кіевѣ бывало разногласіе о предметахъ и лицахъ несравненно большей важности. «Се же не свѣдуще право глаголють, яко крестился есть въ Кіевѣ; и ини же рѣша — Василевѣ; друзіи же инако скажутъ».

Приснопамятный *Иванъ Михайловичъ* жилъ тогда на Печерскѣ. Онъ *усладилъ* мое кіевское новоселье, при слѣдующемъ письмѣ:

«Достопочтеннѣйшій Михаилъ Александровичъ! Посылаю вамъ образчикъ кіевского варенья — на новоселье. Пусть хоть это докажетъ вамъ, что не все въ Кіевѣ хуже московскаго. Покорно прошу снабдить меня тѣми пѣснями, которыя доказываютъ, что и народная поэзія малороссійская не хуже великороссійской.

Истинно васъ почитающій Прот. І. Скворцевъ.»

2 августа 1834 г.

Въ отвѣтъ на превосходныя кіевскія *морели*, посланъ былъ отъ меня веленевый экземпляръ *Украинскихъ народныхъ пѣсенъ*, только-что изданныхъ мною въ Москвѣ, передъ выѣздомъ въ Кіевъ.

Начавшаяся тогда наша взаимная пріязнь обновилась въ 1856 году, съ котораго я, не бывши восемь лѣтъ въ Кіевѣ, снова сталъ посѣщать его каждое лѣто. Среди измѣнившагося кіевского люда, *Иванъ Михайловичъ* былъ все тотъ-же: и я

находилъ особенную себѣ усладу въ его бесѣдѣ. Въ послѣдній разъ былъ я у него въ 1862 году, за годъ передъ его кончиною.... Когда, между прочимъ, онъ упомянулъ, что отыскалась недавно его *вступительная лекція о философіи*, я просилъ почтенную дочь его, которую называлъ онъ своимъ адъюнктомъ, прочесть намъ ту лекцію вслухъ: и мы оба прослушали ее съ живѣйшимъ удовольствіемъ, вспоминая каждый первоначальные годы своего учительства.... Ту лекцію преподавалъ онъ въ академіи, ставши бакалавромъ философіи еще въ 1819 году, въ которомъ будущій Иннокентій вступилъ въ студенты академіи изъ семинаріи сѣвской....

Въ томъ же году и я, изъ учениковъ новгородсѣверской гимназіи, поступилъ въ московскій университетъ, въ которомъ и прошло мое второе, лучшее пятнадцатилѣтіе жизни. Благодареніе тебѣ, alma mater! Каждый годъ, *12 января*, я вспоминаю и думаю о тебѣ съ любовью, гдѣ бы я ни былъ, и — никогда тебя не забуду!

9 февраля 1868 г.

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ.

Сегодня, *29-го февраля*, солнце свѣтитъ у насъ по весеннему: и я снова принимаюсь за пе-

реписку тебѣ писемъ Иннокентіевыхъ. Вотъ *первое* изъ нихъ, писанное карандашемъ, около 1 сентября 1834 года. Оно относится къ моей вступительной лекціи «О значеніи и происхожденіи человѣческаго слова». Вопреки моей привычкѣ читать лекціи неписанныя, начальную лекцію о словесности я разсудилъ написать: и съ нею отправился къ Иннокентію, желая себѣ его благословенія и напутствія на преподаваніе новой для меня науки. При чтеніи первой страницы его остановило то, что душа животныхъ названа *умирающею*. Но лишь только зашла рѣчь о душѣ животныхъ, явилась къ нему въ гости какая-то человѣческая душа, и перебила нашу бесѣду и дальнѣйшее чтеніе. На другой день Иннокентій прислалъ мнѣ рукопись мою съ слѣдующею своею одобрительною рецензіей:

— «Возвращаю отрывокъ будущаго прекраснаго зданія, и благодарю за удовольствіе видѣть его прежде другихъ. Самъ св. Владимиръ не усумнился бы одобрить его къ изданію въ свѣтъ.

«Съ розою и лиліею, какъ ни жаль, а едвали не нужно разстаться. Только не забудьте, пожалуйста, дать имъ мѣсто при первомъ случаѣ.

«За души бѣдныхъ животныхъ еще покорнѣйшая просьба.

«Въ Словѣ творческомъ — *досужные люди мо-*

гутъ съ радостію открыть ересь. Не мѣшаетъ пере-
мѣнить нѣсколько выраженій. Для соображенія, я
выставилъ мѣста Писанія, на основаніи коихъ
можно произвести сію перестройку.

«Вотъ вамъ голосъ *всего* сердца — отъ того, ко-
торый сердечно принадлежитъ вамъ.

Возмогайте о Господѣ!» —

Заботливое предостереженіе отъ нареканія въ
ереси, со стороны Иннокентія было *опытное*,
извѣданное имъ на себѣ, когда онъ былъ инспек-
торомъ академіи въ Петербургѣ.

Кстати, чтобъ не пропалъ анекдотъ. Сидѣли
однажды въ академической залѣ Иннокентій съ
Павскимъ, особнякомъ, разговаривая о чемъ-то.
Одинъ изъ сочленовъ, глядя на нихъ, сказалъ
въ полголоса: «вонъ, сидятъ наши *неблоги*». —
«Да, братъ, *не олухи!*» отвѣчалъ Павскій нѣ-
сколько громче.

Само собою разумѣется, что я воспользовался
замѣчаніями Иннокентія, и моя вступительная лек-
ція пошла въ ходъ благоуспѣшно, и напечатана была
въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣще-
нія». К. С. Сербиновичъ писалъ мнѣ: «ваша лекція
о происхожденіи слова отгѣнно понравилась въ
Москвѣ преосвященному Филарету». Болѣе этого
мнѣ и желать уже было нечего для той лекціи!

Второе Иннокентіево письмо, писанное около

1 ноября 1834 года, относится къ первоизданному «*Обозрѣнію* преподаванія наукъ въ университетѣ св. Владиміра», напечатанному «въ типографіи кіевопечерской лавры». Я издалъ его по образцу каталоговъ московскаго университета, т. е. in 4-to, на русскомъ и латинскомъ языкахъ. Профессоръ римской словесности, Максимилианъ Юрьевичъ *Якубовичъ*, на котораго возложенъ былъ латинскій переводъ *Обозрѣнія*, принесъ мнѣ его, объявляя въ смущеніи, что ему встрѣтилось затрудненіе на первомъ пунктѣ — о профессорѣ богословія И. М. *Скворцевъ*, и что онъ не знаетъ, какъ по-латынѣ сказать: «протоіерей, имѣющій *камиллаву*». Не останавливаясь за однимъ словомъ, я отдалъ въ наборъ *Praelectiones*, и, получивъ первую корректуру, разумѣется, на сѣрой бумагѣ, отправилъ ее къ ректору академіи, по его желанію, — отмѣтивъ вопросомъ и словцо, затруднившее профессора-переводчика. Отвѣтъ былъ слѣдующій:

— «Виновать, давича и въ умъ не вошло отправить къ вамъ сей свитокъ. Не худое для потомства свидѣтельство о состояніи лаврской типографіи въ XIX столѣтіи. Подумаешь, что печатано на другой день по выходѣ изъ Кіева Батя. Да вѣдаютъ же, въ какомъ состояніи новый университетъ засталъ у насъ *Elegantiores litteras*, благодаря *viris eruditissimis*, ихъ протекторамъ!

«Для *камилавхи* и я не нашелъ слова: можетъ быть, его трудно найти потому, что эта вещь нынѣ едва не потеряла своего значенія....»

«За подарокъ благодарю. Между пріятнѣйшими событіями въ моей жизни останется и въ будущемъ, какъ было въ настоящемъ году, мое знакомство съ вами.

«Намъ нуженъ въ академію, семинарію и училище докторъ; жалованье 1200: нѣтъ ли у васъ добраго человѣка?»

«Не взыщите на карандашъ мой и почеркъ. Я люблю свободу въ подобныхъ корреспонденціяхъ; прошу и отъ васъ того же *и также* дружескаго.»

Инокентіево указаніе «для *камилавхи*» того же дня подтвердилось мнѣ, при встрѣчѣ съ архимандритомъ кіевскаго греческаго монастыря, сказавшимъ, что она по-гречески зовется *камилавха*. Иванъ Михайловичъ съ своей стороны призналъ это; но онъ возсталъ противъ написанія его фамиліи *Skworsew*, говоря, что это по-польски, а не по-латинѣ, и потребовалъ перемѣны.... И я подписалъ — *печатать* такъ: «*Joannes Squorsew... Protorpesbyter camilaucha distinctus*».

Въ нынѣшнее время, для объясненія этой вещи, приводятся уже и ново-латинское *Camelaucum* изъ глоссарія Дюканжа, и греческое *καμελαυχη* изъ

Константина Багрянороднаго; но въ тѣ поры намъ достаточно было обойтись и насущнымъ употребленіемъ этого слова въ устахъ ново-греческихъ.

Что же касается до кievскаго книгопечатанія, то надо замѣтить, что латинскій шрифтъ, которымъ набраны были *Praelectiones* 1834 г., былъ тотъ самый, которымъ печатались въ лаврѣ еще знаменитые *Панигирики* академическаго префекта и учителя философіи, Михаила Козачинскаго — Елисаветѣ Петровнѣ, 1744 года! Въ лаврской типографіи не было гражданскаго русскаго шрифта еще и въ 1787 году, такъ что академическая *Ода* Екатеринѣ Второй, во вкусѣ Ломоносовскихъ одъ написанная, была напечатана шрифтомъ славянскимъ. Въ томъ году митрополитъ Самуиль Миславскій испросилъ право для академіи кievской завести свою типографію *гражданскую*, которая содержалась въ Печерской лаврѣ и въ которой печатались книги, съ такимъ означеніемъ, — на примѣръ, на «Краткомъ Описаніи Лавры»: «Въ типографіи академіи Кievской при Лаврѣ Печерской, 1817 года». Митрополитъ Евгеній исходатайствовалъ въ 1824 году право печатать въ лаврской типографіи книги всякими буквами; и лѣтъ черезъ семь послѣ того имя «типографіи академіи кievской» прекратилось. Иннокентій, будучи ректоромъ академіи съ 1830 года, видя тогдашній застой въ

искусствѣ книгопечатанія лаврскаго, а равно и неудобство посылать съ корректурами изъ академіи въ лавру и наоборотъ, порывался не разъ учредить свою академическую типографію, по давнему на то праву; но ему не было владычняго на то разрѣшенія, ни отъ Евгенія, ни отъ его преемника Филарета: и это смущало ректора, стремившагося къ усовершенію книжнаго дѣла.

ПИСЬМО ОДИННАДЦАТОЕ.

О 1835 годѣ я вспоминаю, какъ о лучшемъ и пріятнѣйшемъ въ моей кievской жизни. Не вотще было благожеланіе, выраженное въ слѣдующихъ строкахъ:

— «Съ Новымъ годомъ, почтеннѣйшій Михаилъ Александровичъ! Да будетъ онъ для васъ тѣмъ новымъ лѣтомъ *пріятнымъ*, для нареченія коего на бѣдной землѣ нашей пришелъ Тотъ, въ рукахъ Коего земля и небо, время и вѣчность. Это усерднѣйшая молитва вашего собрата во Христвѣ, А. Иннокентія.»

Генваря 1-го 1835 г.

И какая божественная весна была въ томъ году! Гоголь, съ которымъ мы сбирались *вдвоемъ* переселиться въ Кіевъ, чуялъ ту украинскую весну на берегахъ невскихъ, и писалъ мнѣ о ней съ тоскою отъ 22-го марта:

«Жажду, жажду весны! Чувствуешь ли ты свое счастье? знаешь ли ты его? Ты свидѣтель ея рожденія; впиваешь ее, дышешь ею....»

Въ самомъ дѣлѣ, только съ той единственной весны почувствовалъ я свою новую жизнь въ Кіевѣ, и примирился съ нею. А встрѣчалъ я ту весну—въ вербную субботу и на страстной недѣлѣ, въ Братскомъ монастырѣ, гдѣ я говѣлъ, и причащался изъ рукъ Иннокентія, и впервые слышалъ его слово предъ плащаницею. Съ нимъ же былъ и мой первый выѣздъ за городъ—въ Выдубицкій монастырь, въ храмовой день св. Георгія, по приглашенію тогдашняго выдубицкаго архимандрита о. *Іереміи Соловьева*. Сотоварищъ Иннокентія въ семинаріи сѣвской, онъ былъ и преемникомъ его въ Братскомъ и Михайловскомъ монастыряхъ; съ 1843 года былъ онъ добрымъ пастыремъ новоучрежденной епархіи кавказской и черноморской; а потомъ онъ пробылъ, къ сожалѣнію, только одинъ 1850 годъ нашимъ полтавскимъ и переяславскимъ архіереемъ, и зѣло не взлюбилъ Полтавы.

Признаюсь, и у меня не лежитъ душа къ этой губернской госпожѣ нашего края, которая — изъ-за Шведской могилы, нѣкогда восторгнувшей поэтического князя Куракина — потянула въ себя прежнюю жизнь Переяслава и Ромна и всей восточной Украины....

Иннокентій былъ великій любитель природы и весны; да и во мнѣ, кажется, полюбилъ онъ прежняго естествоиспытателя и сочинителя «Размышлений о природѣ».

— «Пріѣзжайте оканчивать май. Я буду вамъ радъ, хотя бы вы явились въ единонадесятый часъ. Но хотѣлось бы раздѣлить съ вами побольше времени. Нельзя ли въ шесть? Впрочемъ, какъ угодно, только дайте себя увидѣть — душевно преданному вамъ.»

Мы окончили май въ академическомъ ректорскомъ саду. Тогда, помню, онъ далъ мнѣ свое рукописное слово *о веснѣ*, принадлежащее къ его словамъ на четыре времени года, напечатаннымъ послѣ въ моемъ «Москвитянинѣ».

— «Я былъ, возвращаясь отъ (пріѣхавшаго) владыки, у Лошкаревыхъ. Они поѣдутъ въ 11

часовъ, а васъ, на зло вамъ, не возьмутъ, а оставятъ мнѣ. Радъ бы въ храмъ природы и ранѣе, но завтра грѣшно оставить храмъ Благодати. День Всѣхъ Святыхъ: прогнѣвить такой Лигь страшно. Притомъ завтра же получится изъ рукъ владыки крестъ — новое побужденіе быть въ церкви. Обѣдня у меня начнется въ 9, а въ 11 — я у васъ, и съ вами въ 12 — въ Пироговѣ До свиданія!»

Иннокентій, украшенный въ тотъ день крестомъ св. Владиміра 3-й степени, угощалъ насъ обѣдомъ въ братской дачѣ своей, Пироговѣ. Потомъ онъ показывалъ намъ раскрытую въ томъ году его стараніемъ древнюю пещеру преподобнаго Θεодосія. Онъ предполагалъ тогда, что находящееся невдалекѣ мѣсто, называемое *Церковищемъ*, есть остатокъ бывшаго нѣкогда подъ Кіевомъ монастыря *Гнилецкаго*, извѣстнаго только по имени. И мнѣ удалось въ 1840 году найти въ актахъ Выдубицкаго монастыря документальное оправданіе Иннокентіевой догадки, и прояснить исторію того монастыря. А первопечатное упоминаніе о немъ находится въ польскомъ Патерикѣ Сильвестра Коссова 1635 года; тамъ на маргинецѣ 44-й страницы означено: «w Lesnikach, gdzie Gliniecki był monaster». Оттуда и въ Евгеніевомъ описаніи лавры упомянуть *Глинецкій* монастырь, вмѣсто *Гнилецкаго*.

Въ 1840 году, 7 декабря, Иннокентій писалъ мнѣ:

— «Виноватъ: долго не отвѣчалъ и даже задержалъ ваши листки. Все суеты и недосуги, на сей разъ невольныя.

«Статья о Гнилецкомъ монастырѣ очень хороша, и если кто долженъ васъ благодарить за нее, то я, для коего это мѣсто дороже, нежели для кого-либо...

«Справка: земля съ пещерами поступила въ вѣдѣніе Братскаго монастыря въ 1833, но послѣ выходило недоумѣніе, такъ что пещеры выходили изъ этой земли, и я, бывши въ Петербургѣ (1836 г.), долженъ былъ особенно писать и просить, чтобы доложили Государю; послѣ сего пещеры утверждены за монастыремъ.»

Возвращаюсь къ письмамъ 1835 года.

— «Добраго здоровья почтениѣйшему Михаилу Александровичу и добраго успѣха во всѣхъ добрыхъ его дѣлахъ! — Не отдѣлались ли у васъ Пророки? Мнѣ въ нихъ встрѣтилась надобность, на недѣлю, не болѣе. — А что съ нашимъ Бадеромъ? Живъ ли онъ, и каково поживаетъ? Мнѣ пришло на мысль отправить его къ г. Сербиновичу, если только вы не показывали ему, и если онъ уже не *отвергнутъ* здѣсь, на мѣстѣ престоупленія, т. е. перевода такой непонятицы.

«А мы были въ Вышгородѣ и Межигорья, — и за то, что были безъ васъ, порядочно пострадали отъ дождя. Когда же въ Борщаговку? Назначьте любой день, ибо у насъ теперь вакація, и дѣло можетъ стоять только за вами. До свиданія!»

Въ этомъ письмѣ упоминается о Пророкахъ — въ извѣстномъ переводѣ Павскаго съ подлинника еврейскаго. Я пользовался экземпляромъ Иннокентіевымъ. — У него въ академіи переведено было нѣсколько философскихъ сочиненій съ нѣмецкаго языка. Переводъ изъ Бадера, болѣе другихъ германскихъ мыслителей любимаго Иннокентіемъ, онъ поручалъ мнѣ прочесть, желая знать мое мнѣніе о языкѣ перевода, довольно ли онъ ясенъ? Напечатанъ онъ, или нѣтъ — уже не припомню. Что же касается до поѣздки въ Борщаговку, то она съ моей стороны была отложена впередъ: ибо съ наступленіемъ нашей университетской вакаціи, я положилъ уже себѣ выполнить то, чего не доставало къ моей кievской жизни, о чемъ тоскою болѣла душа моя и въ Москвѣ бѣлокаменной. Въ исходѣ іюня я посѣтилъ родные мнѣ предѣлы Переяслава и Золотоноши; и первые три дня іюля провелъ въ *Тимковщинѣ*, надъ рѣчкою Згарью, гдѣ впервые увидѣлъ я свѣтъ жизни, и гдѣ не былъ я съ самаго дѣтства:

«И воздухъ будто чище,
И травка зеленѣй,
И солнышко свѣтлѣе —
На родинѣ моей.»

2 марта 1868 г.
Михайлова-Гора.

ПИСЬМО ДВѢНАДЦАТОЕ.

Давно уже нѣтъ на Печерскѣ того Куртова дома, гдѣ помѣщался первоначально университетъ, гдѣ было кратковременно и мое первое пристанище въ Кіевѣ. «Якоже духъ пройдетъ въ немъ, и не будетъ, и не познаетъ къ тому мѣста своего!» Но уцѣлѣлъ еще отъ сломки, на Никольской улицѣ, тотъ знакомый тебѣ Катериничевъ домикъ, въ который перемѣстился я къ веснѣ 1835 года, перезимовавши на Старомъ-Кіевѣ, во дворѣ о. Кирилла Ботвиновскаго. Тотъ Катериничевъ домикъ стоитъ нынѣ на тычку, первый съ правой руки, при вѣздѣ въ новозданную печерскую крѣпость, возлѣ прежняго Ипсилантиева, нынѣ лаврскаго дома. Тамъ прежде всѣхъ, гостившихъ у меня друзей, былъ *Гоголь*, нарочно приѣзжавшій ко мнѣ въ концѣ іюля, возвращаясь изъ своей полтавской Васильевки

или Яновщины въ Петербургъ. Онъ пробылъ у меня пять дней, или лучше сказать, пять ночей: ибо въ ту пору все мое дневное время было занято въ университетѣ, а Гоголь уѣзжалъ съ утра къ своимъ нѣжинскимъ, лицейскимъ знакомцамъ, и съ ними странствовалъ по Кіеву. Возвращался онъ вечеромъ, и только тогда зачиналась наша бесѣда.... Нельзя было мнѣ не замѣтить перемѣны въ его рѣчахъ и настроеніи духа: онъ каждый разъ возвращался неожиданно степеннымъ и даже задумчивымъ *). Ни *крѣпкаго* слова, ни грязнаго анекдотца не слышалось отъ него ни разу. Онъ, между прочимъ, откровенно сознавался въ своемъ небреженіи о лекціяхъ въ петербургскомъ университетѣ, и жалѣлъ очень, что его не принялъ фонъ-Брадке въ университетъ кіевскій. Я думаю, что именно въ то лѣто начался въ немъ крутой переворотъ въ мысляхъ — подъ впечатлѣніемъ древне-русской святыни Кіева, который у

*) Біографъ Гоголя перемѣшалъ мои рассказы о немъ, и невѣрно представилъ его пребываніе въ Кіевѣ, сказавъ, что тогда «онъ былъ еще живой и даже немного вѣтренный юноша». Тѣ «длиннечскіе пѣсни», о которыхъ упоминаетъ біографъ, были записаны Гоголемъ не «въ Кіевѣ», а еще въ Петербургѣ 1834 года, въ тѣхъ двухъ рукописныхъ книгахъ Малороссійскихъ пѣсень, которыя я посылаю ему изъ Москвы, и которыя того же года переслалъ онъ мнѣ въ Кіевъ, чрезъ своихъ родичей Троцинскихъ.

Малороссіянь 17-го вѣка назывался *Русскимъ Иерусалимомъ* (у святителя Димитрія, гетмана Самойловича и другихъ).

Вмѣстѣ съ Гоголемъ мнѣ удалось, только на другой день его приѣзда, побывать у Андрея Первозваннаго. Тамъ я оставилъ его на сѣверозападномъ углу балкона, отлучась по дѣламъ къ попечителю, жившему своимъ гостепріимнымъ домомъ возлѣ Михайловскаго монастыря; а когда вернулся я, нашелъ его возлежащимъ на томъ же самомъ мѣстѣ. Я помню, что изъ представляющей оттуда обширной панорамы Кіева — тебѣ, и Тургеневу, Александру Ивановичу (проѣзжавшему черезъ Кіевъ въ январѣ 1835 года), и другимъ, съ которыми я бывалъ тамъ, всего болѣе нравился видъ на Подоль и Днѣпръ. Но Жуковскій (въ октябрѣ 1837 года) пристальнѣе всего вглядывался въ ту сторону, гдѣ Вышгородъ, градъ Ольгинъ, и срисовалъ себѣ тотъ видъ; а Гоголь особенно любился видъ на Кожемяцкое удолье и Кудрявецъ.

Когда же мы снова обходили съ нимъ вокругъ той высоты, любуясь ненаглядною красотой кіевскихъ видовъ, стояла неподвижно малороссійская молодлица, въ бѣлой свитѣ и намиткѣ, опершись на балконъ и глазѣя на Днѣпръ и Заднѣпровье. «Чего ты глядишь тамъ, голубко?» мы спросили. «Бо гарно дивиться!» отвѣчала она, не перемѣняя

своего положенія; и Гоголь былъ очень доволенъ этимъ выраженіемъ эстетическаго чувства въ нашей землячкѣ. Мы разстались въ Кіевѣ надолго, до нашего свиданія въ октябрѣ 1849 года, въ Москвѣ.

Гоголь завершилъ мнѣ собою въ Кіевѣ то *лѣто пріятное*; а на осень меня порадовалъ мой родной *Егоръ Федоровичъ Тимковскій*, извѣстный своимъ путешествіемъ въ Китай, изданнымъ 1821 года. Докончивъ свое консульство въ Молдавіи, онъ возвращался на отдыхъ въ осиротѣлую свою *Тимковщину*, и на перепутьи прогостилъ у меня въ Кіевѣ первую половину октября.

Тогда была у насъ пора самая горячая: готовились къ zaloженію университета, и ожидали царскаго пріѣзда. И было уже все готово. Были присланы изъ Петербурга — и большая платиновая медаль, и всѣ русскія монеты, чеканенныя въ томъ году. Попечитель, съ инспекторомъ Люце, своимъ шуриномъ, озаботились выучить студентовъ даже церемоніальному маршу.

Наконецъ *10-го октября*, въ четвергъ, поздно вечеромъ, Государь прибылъ въ Кіевъ, и тогда же спросилъ у генераль-губернатора: «во сколько обойдется зданіе университета?» Графъ Гурьевъ, смѣнившій собою графа Левашова, уволеннаго въ іюнь, за обиду фельдмаршала Сакена, не нашелся

сказать Государю правды, что смѣта еще не окончена, или онъ не зналъ о томъ, и отвѣчалъ наобумъ: «*семь милліоновъ!*»

— «Это все равно, что нуль — сказалъ Государь — и я университета не закладываю.»

Такимъ образомъ графъ Александръ Дмитріевичъ Гурьевъ, своимъ экспромптомъ, лишилъ Кіевъ великолѣпнаго торжества — заложенія университета державною рукою самого основателя его, во имя святаго Владиміра.

А по сдѣланной послѣ того смѣтѣ вышло вдвое меньше, и большую часть той суммы университетъ имѣлъ у себя готовую, въ разныхъ фундашахъ.

На другой день послѣ своего приѣзда, Государь благоволилъ принять у себя въ залѣ весь *corpus universitatis*. Вслѣдъ за ними явился англійскій посланникъ, лордъ Дургамъ, со своею свитою; и послѣ данной ему аудіенціи, англичане видѣли Русскаго Царя, окруженнаго всѣми сословіями новаго университета. — И былъ онъ тогда свѣтелъ и ласковъ необычайно, — почти такой же, какимъ я видѣлъ его въ Кремлѣ, 22 августа, въ тресвѣтлый день его коронаціи.

«Дѣла давно минувшихъ лѣтъ!»... Я пишу тебѣ, любезный историкъ, и о себѣ, какъ о лицѣ по-

стороннемъ, — по старой памяти, какъ по грамотѣ, и по тогдашнимъ письмамъ другихъ, у меня сохранившимся.

Въ заключеніе 1835 года, по моему прошенію, состоялось высочайшее увольненіе меня отъ должности ректора: и она кончилась — *21 декабря*. Мнѣ стало уже не въ моготу тянуть двойную лямку — ректора и профессора. Я видѣлъ, что ректорство, начатое мною въ новомъ университетѣ, можно было продолжать уже всякому, и было уже кому продолжать; а мнѣ оно было помѣхою въ дѣлѣ доставшейся на мою долю науки, нескончаемой въ своемъ требованіи и усовершеніи, какъ и всякая наука. И мнѣ надо было ей посвятить всѣ мои силы и труды, тѣмъ болѣе, что, въ продолженіе 1835 года, попечитель не хотѣлъ принять маѣ въ адъюнкты желанныхъ мною людей: ни *Чистякова*, Михаила Борисовича, бывшего учителемъ могилевскимъ, ни *Тарновскаго*, Василя Васильевича, бывшего учителемъ житомирскимъ. Оба они были извѣстные мнѣ кандидаты московскаго университета.

Возвращаюсь къ письмамъ Иннокентія, который, вмѣстѣ съ новымъ митрополитомъ кievскимъ Филаретомъ, священнодѣйствовалъ при заложеніи университета св. Владиміра уже *31 іюля 1837 года*.

5 марта 1868 г.
Михайлова-Гора.

ПИСЬМО ТРИНАДЦАТОЕ.

Въ нынѣшній разъ, я перенишу тебѣ остальные Иннокентіевы письма — съ половины 1835 года и до половины 1836-го.

— «Съ днемъ Архангела, почтеннѣйшій Михаилъ Александровичъ! — Да хранить онъ васъ своимъ пламеннымъ оружіемъ, и да отражаетъ отъ васъ всѣ силы вражія! Иные ищутъ для себя девизовъ; у васъ въ самомъ имени наилучшій девизъ: *кто, яко Богъ?* Да будетъ же онъ въ самомъ дѣлѣ девизомъ вашей жизни! — Предметомъ умственной дѣятельности вашей доселѣ были и теперь суть цвѣты и вертограды; но и подъ цвѣтами нерѣдко сокрываются змѣи, и въ раѣ былъ врагъ, и самая смерть послѣдовала отъ плода. Слѣдовательно, и на полѣ вашей дѣятельности есть мѣсто брани, побужденіе и случай къ подвигамъ за истину, драгоценная возможность являть въ дѣйствіяхъ своихъ: *кто, яко Богъ?* Продолжайте быть служителемъ слова не человѣческаго и преходящаго въ воздухъ, а божественнаго, вѣчнаго; поражайте всѣ кривые призраки изыщнаго; гоните байронизмъ въ ту бездну, изъ коей онъ возникъ; стойте твердо за святыню слова, — и вы будете Михаиломъ для самихъ небожителей, и переходя на небо,

вамъ не нужно будетъ принимать новаго имени: ибо ваше будетъ совершенно выражать васъ.

Всего сего усерднѣйше желаетъ вамъ вашъ

Иннокентій.»

Сент. 6, 1835 г.

Покойный И. В. Кирѣевскій, восхищенный Страстною Седмицею, прежде другихъ изданною, писалъ, чтобы я выслалъ ему въ Долбино все, что напечатано въ Кіевѣ Иннокентіемъ, и высказалъ подробно свое мнѣніе о немъ, сравненіемъ съ Масильономъ, Фенелономъ и другими проповѣдниками. Я послалъ въ подлинникъ это прошеніе о книгахъ, и въ отвѣтъ — были слѣдующія строки:

— «Дома я буду, и буду ждать васъ съ удовольствіемъ. Но зачѣмъ такъ рано? Почему не въ 5, 6 — дабы можно было напиться вмѣстѣ чаю. А то я вижу, вы хотите пріѣхать на двѣ-три минуты, да и поминай какъ звали. Впрочемъ воля ваша! Я всегда буду радъ.

«Книги приготовлю, но съ мнѣніемъ о себѣ никакъ несогласенъ».

— «Оказалось, что нуженъ мартъ не 34-го, а 35 года. Если есть у васъ, или можете достать, то прошу прислать. Владыкѣ нашему очень нуженъ онъ на что-то. До свиданія.»

— «Съ удовольствіемъ прочитанъ мною вашъ коментарій на Пѣснь Игореву. Такой великой чести еще не сподоблялась сія пѣснь, и вѣроятно не скоро сподобится еще когда-нибудь. Дѣло идетъ, какъ нельзя лучше. Скорѣе кончатъ его, да и въ типографію.

«Добраго дня и большого гулянья на свѣжемъ воздухѣ!»

(10 февраля).

— «Добраго здоровья Михаилу Александровичу! И добраго вступленія въ постъ!—

«Что дѣется у васъ съ Разсужденіемъ объ основаніи этики на физикѣ? — У меня одинъ человекъ его проситъ, и я думаю отдать.

«А съ типографіей? — Я бы съ слѣдующей недѣли началъ въ ней печатать небольшую *толику* своихъ предикъ.

«А съ программю на Польскую кафедру? — У насъ есть охотники писать и спорить за нее.

«А съ Михаиломъ Александровичемъ? — Я бы на него посмотрѣлъ.»

— «Если вы завтра свободны, какъ писали, то прошу быть у меня въ 12 часовъ, и мы отправимся за городъ — на уху въ Борщаговку. А если по чему-

нибудь завтра нельзя, то прошу быть въ четвертокъ, хоть съ самаго утра, и мы поѣдемъ туда же. Во всякомъ случаѣ прошу дать знать нѣсколько впередъ, дабы можно было распорядиться.

tuus ex animo I...»

14 апр.

— «Быль у васъ два раза, но не засталъ. Здоровы ли вы? О спокойствіи уже не спрашиваю, ибо знаю, что вы въ хлопотахъ. Когда же мы сочинимъ вояжъ за городъ? Весна не ждетъ. Правда, что теперь зима зеленая. Но за дождемъ надобно ждать отличной погоды. Выбирайте любой день. Я васъ возьму по утру, а къ вечеру доставлю сохранно домой. Выбирайте и любую сторону — въ Вышгородъ, въ Китаевъ, или въ Борщаговку.... Выбравъ, дайте знать за день. А между тѣмъ будьте здоровы и веселы. Сего желаетъ

tuus ex animo I...»

Тогда мнѣ удалось, наконецъ, быть вмѣстѣ съ Иннокентіемъ въ братской Борщаговкѣ, и погулять въ саду, насажденномъ его попеченіемъ — также, какъ и въ Пироговѣ, и въ самомъ дворѣ Богоявленскаго братства. Тамъ же мы вмѣстѣ помолились

Богоматери Борщаговской, весьма уважаемой въ народѣ.

— «Доброго здоровья Михаилу Александровичу! Точно прекрасное затмѣніе; оно не потемнило, а кажется, улучшило-было солнце. Жаль, что скоро прошло; хотя бы недѣлю покрасоваться такимъ сочетаніемъ колець. Мы смотрѣли на него изъ Шулявскаго лѣса.

«Прошу возвратить слѣдующія книги.... И нѣтъ ли еще книгъ; ибо до отъѣзда мнѣ надобно разсчитаться съ бібліотекою.»

Упоминаемое въ этомъ письмѣ кольцеобразное затмѣніе солнца было *3 мая* 1836 года. Иннокентій собирався тогда на трехмѣсячную визитацію духовныхъ училищъ, имѣя въ виду и посѣщеніе Крыма. Я туда же собирався, испросивъ четырехмѣсячный отпускъ для поправленія здоровья. Изъ Кіева я выѣхалъ *13 мая*, недѣлею прежде Иннокентія, который подарилъ мнѣ на дорогу свою старую инспекторскую трость. Въ Одессѣ я передѣлалъ ее, и съ нею купался въ Черномъ морѣ, опираясь на нее и промѣряя глубину. Я и теперь иногда ѣзжу съ нею къ Днѣпру на купанье.

6 марта 1868 г.

Михайлова - Гора.

ПИСЬМО ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

10 марта 1868 г. М.-Г.

Чтобы не слишкомъ отдаляться мнѣ отъ предмета моихъ писемъ — отъ воспоминаній о Кіевѣ, я не стану описывать тебѣ моего странствія съ Иннокентіемъ по южному берегу Крыма, гдѣ пробылъ онъ семь дней, съ 12-го по 18-е іюня. Скажу одно: тамъ у него не было и предчувствія, что онъ черезъ двѣнадцать лѣтъ станетъ святителемъ и подвижникомъ *таврическимъ*; тамъ его главнымъ помышленіемъ былъ — *Іерусалимъ*.

Еще на первой порѣ нашего знакомства въ Кіевѣ, я спрашивалъ у него: почему не кончаетъ онъ того сочиненія своего, которое составило его первоначальную славу? разумѣя — «Послѣдніе дни земной жизни Іисуса Христа». И онъ говорилъ мнѣ, что это сочиненіе у него въ виду на первомъ мѣстѣ; что онъ хочетъ заняться имъ вновь и написать удовлетворительнѣе прежняго опыта; но для этого считаетъ необходимымъ побывать въ тѣхъ святыхъ мѣстахъ, гдѣ проходила земная жизнь Спасителя. И это странствіе было его задушевнымъ и любимымъ желаніемъ *), особенно въ

*) Это задушевное и любимое желаніе высказалъ онъ и въ рѣчи своей при нареченіи во епископа. «Ты самъ, Господи,

Крыму, гдѣ и я общался ему сопутствовать. По возвращеніи въ Кіевъ, онъ подавалъ прошеніе объ отпускѣ его въ Іерусалимъ; но его вызвали въ Петербургъ на посвященіе въ епископа, а русскаго епископа нельзя же было тогда отпустить на востокъ за-просто, одного (говорю словами, отъ него мною слышанными): и такимъ образомъ вождедѣнное для него паломничество — не состоялось. Что же касается до знаменитаго сочиненія его, то оно было имъ вновь обработано въ Михайловскомъ монастырѣ, гдѣ и показывалъ онъ миѣ, помнится, въ 1840-мъ году, на-бѣло переписанную рукопись въ 4-ку, подъ за-

зрѣлъ и зришь» — говорилъ онъ — «что я имѣлъ и имѣю въ виду не златое сѣдалище пастыреначальства, а крестъ и гробъ Твой святой; что мысли мои какъ доселѣ привитали, такъ и отселѣ будутъ привитать тамъ, гдѣ Ты положилъ за всѣхъ насъ душу Свою. Если вопреки желанію быть поклонникомъ гроба Христова, я содѣлываюсь теперь сопастыремъ стада Христова: то меня побуждаютъ вступить на новый путь сей не перемѣна прежнихъ мыслей и намѣренія, не виды плоти и крови, а.... мысль, что путь всякаго христіанскаго пастыря, гдѣ бы ни пролегалъ онъ, если идетъ вѣрно, то ведетъ прямо къ Іерусалиму небесному, и что самый жезлъ, который восприму я, какъ въ древнія времена церкви бывалъ, такъ и нынѣ можетъ быть жезломъ не только благочестиваго пастыря, но и благочестиваго странника». — Во время управленія Иннокентіева херсонскою епархією, желаніе его посѣтить святыя мѣста уже близко было и къ исполненію; но восточная война остановила дѣло....

П. С — въ.

главiемъ: «*Голова* или послѣднiе дни...», говоря, что везетъ ее на *цензуру* владыкѣ Филарету.

Когда въ половинѣ октября 1836 года пришло въ Кiевъ извѣстiе о назначенiи Иннокентiя викариемъ кiевской епархiи и епископомъ чигиринскимъ, я привѣтствовалъ его письменно, не могши тогда быть у него лично; и онъ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ (17-го октября):

— «Благодарю васъ, почтениѣйшiй Михаилъ Александровичъ, за ваше дружеское участiе въ моей судьбѣ. Я совершенно увѣренъ, что оно происходитъ отъ сердца, ибо самъ отъ сердца предаю вамъ. Но зачѣмъ такъ болѣть? Этого въ уговорѣ нашемъ съ вами никогда не было. Только бы мнѣ доѣхать (и надобно) до Петербурга, тамъ я отдамъ ваше здоровье подъ страхъ всѣхъ возможныхъ обществъ.

«Съ ректоромъ и проректоромъ — поздравляю. Почему не Даниловичъ? — Это обида. Если не вы, то онъ — такъ мнѣ казалось, хотя я нисколько не оспариваю достоинства и избраннаго *)».

«Здоровья и паки здоровья! А я при первомъ случаѣ провѣдаю васъ.

«Сейчасъ притащили мнѣ кучу бумагъ изъ Лавры. Посылаю два экземпляра, какiе есть.»

*) То есть — *Цыха*, бывшаго послѣ меня ректоромъ, и скончавшагося въ 1837 году на второй день Свѣтлой недѣли.

Вотъ и еще одно, послѣднее его письмо ко мнѣ отъ того года:

«С.-Петербургъ.

дек. 14, 1836.

«Добраго здоровья и добраго воспоминанія о твердо помнящихъ его друзьяхъ почтенному Михаилу Александровичу. Ко многимъ писалъ я уже изъ столицы; а къ вамъ еще нѣтъ. По меньшей памяти о васъ? Напротивъ. Въ свободныя минуты мнѣ вы представляетесь даже такъ живо, какъ бы я видѣлъ васъ предъ собою и бесѣдовалъ съ вами. Думаю, и вы не разъ вспоминали о петербургскомъ странникѣ. Есть союзъ душъ нерасторгаемый: нашъ съ вами долженъ быть одинъ изъ нихъ.

«Пересказывать ли вамъ, что здѣсь со мною? — Мало говорить — мало, а много — много: переговоримъ свидѣвшись паки. Принять я, какъ нельзя лучше; только это *лучше* повлекло за собою медленность въ моемъ возвратѣ. А мнѣ, признаюсь, ничего такъ не хочется, какъ поскорѣе изъ здѣшней суеты порхнуть въ прежнее уединеніе. Скоро ли сбудется это желаніе, не знаю. Хотя бы къ празднику Крещенія велѣлъ Господь узрѣть паки Кіевъ!

«Недавно была у меня о васъ рѣчь съ вашимъ министромъ: онъ жалѣетъ о здоровьѣ вашемъ, и

знаеть вамъ цѣну. Статя ваша о Полку Иго-
ревѣ принята здѣсь весьма хорошо.

«Отсюда думаю ѣхать чрезъ Москву. Но, тамъ
уже нѣтъ одного изъ знакомыхъ моихъ и ва-
шихъ.... Жаль, истинно жаль *). Это навожденіе
злаго духа. Кто могъ предвидѣть его?

«Въ Кіевѣ у васъ, слышу, носятся разные
толки обо мнѣ, то есть, о моемъ здѣшнемъ пре-
бываніи: изъ меня чуть не дѣлають лица миои-
ческаго. Прошу вразумить кого можно, что я остаюсь
здѣсь на нѣсколько дней просто для нѣкоторыхъ
совѣщаній по нашей учебной части. Это истинная
истина.

«Г. попечителю прошу засвидѣтельствовать мое
усердное почтеніе и желаніе твердаго здоровья, въ
коемъ, слышно, у него недостаткаъ.

«До свиданія!

ex animo tuus I....»

ПИСЬМО ПЯТНАДЦАТОЕ.

У меня осталось еще около тридцати не списан-
ныхъ для тебя писемъ Иннокентія — отъ осталь-

*) Рѣчь о *Надеждинѣ*, потерпѣвшемъ бѣду за помѣщеніе
въ своемъ Телескопѣ философскаго письма Чаадаева и за хва-
лебное о немъ примѣчаніе.

ныхъ годовъ его пребыванія въ Кіевѣ. Между ними есть говорящія о тогдашней его ученой исторической дѣятельности. Но переписку ихъ, съ моимъ комментариемъ, я отлагаю до другаго, болѣе способнаго для меня времени, которому предоставляю и продолженіе моихъ нынѣшнихъ воспоминаній тебѣ о Кіевѣ.... А чтобы нынѣ-же видѣть ихъ завершеніе, прочтемъ *последніе* кіевскіе Иннокентіевы листки, писанные карандашемъ — ровно за 27 лѣтъ, т. е. въ мартъ 1841 года.

(17 марта, на вербной недѣлѣ.)

— «Добраго здоровья! А намъ выпалъ весенній путь — далеко, далеко — до Вологды. Въ такомъ разѣ только бы быть здоровымъ, а рука моя все еще сильно меня тревожитъ. Посылаю еще давеча полученныя съ почты бумаги. Посмотрите!»

(На той же вербной недѣлѣ.)

— «Спасибо за грамотку: какъ только мнѣ можно будетъ, я поспѣшу видѣться съ вами. Рукѣ моей лучше, но все еще надобно терпѣть перевязки.»

(29 марта.)

— «Съ великою субботою! — Я, слава Богу, оживаю ко дню Воскресенія; что съ вами? — Не соберетесь ли съ силами быть у меня на заутрени и обѣдни, кои будутъ вмѣстѣ. Я бы прислалъ

за вами коней. Стояли бы вы у меня въ комна-
тѣ, гдѣ можно и посидѣть. Право, нехудо? — Рѣ-
шайтесь, и вмѣстѣ воспоемъ: Воскресенія день! *И.*»

Когда-то и гдѣ — мы съ тобою вмѣстѣ встрѣ-
тимъ *Великъ-день?*... Я душевно желалъ бы еще
хоть разъ быть въ Москвѣ, когда въ ней раз-
дается тотъ полуночный, всезвонный зовъ къ ве-
ликой заутрени, и вся она единодушно и радостно
движется на встрѣчу Свѣтлаго Воскресенія Хри-
стова.... Прощай!

20 марта 1868 г.

Михайлова-Гора.

Р. С. Вотъ кетати, вспомянулись мнѣ и *по-
слѣднія* Гоголевы ко мнѣ строки, писанныя въ
Москвѣ, въ апрѣлѣ 1850 года, на Свѣтлой не-
дѣлѣ:

«Христось воскресь!

«Всеконечно у Аксаковыхъ сегодня. Завтра же
мы приглашены съ тобой къ Погодину.

Твой весь Н. Г.»

ПИСЬМО ШЕСТНАДЦАТОЕ.

«О милыхъ спутникахъ, которые нашъ свѣтъ
Своимъ сопутствіемъ для насъ животворили,
Не говори съ тоской: ихъ нѣтъ!
Но съ благодарностію: были».

Съ этими стихами Жуковскаго, принимаюсь за переписку для тебя, любезный другъ, остальныхъ писемъ ко мнѣ незабвеннаго Иннокентія кіевскаго. Не мало труда, но много услады мнѣ разбирать эти давніе слѣды его руки, нѣкогда такъ часто меня благословлявшей.

Всѣ эти остальные грамотки написаны были имъ уже по возвращеніи изъ Петербурга — въ санѣ епископа чигиринскаго и викарія кіевскаго, съ оставленіемъ за нимъ и ректорства въ духовной академіи. Единственный въ ея исторіи примѣръ ректора епископа, какъ и самъ Иннокентій былъ безпримѣрнымъ ея ректоромъ, по общему признанію академистовъ. Поспѣшая въ свои кіевобратскія келліи, онъ вернулся не ко дню Богоявленія, какъ предполагалъ, а еще передъ Рождествомъ Христовымъ 1836 года. Перемѣстился онъ въ Золотоверхій монастырь, помнится, въ концѣ 1837-го; а ректорство осталось за нимъ до исхода 1839-го.

— «Жаль, что вы не застали меня, тѣмъ паче, что я не скоро буду имѣть свободный вечеръ для душевнаго собесѣдованія.

«Нельзя ли между тѣмъ переговорить съ вашимъ живописцемъ, не возмется ли онъ для академіи написать портретъ Государя съ Кригера вашего? — Если будетъ согласенъ, то просимъ узнать отъ него: скоро поспѣетъ ли и чего будетъ стоить? —

«А между тѣмъ будьте совершенно здоровы. Сего нанусерднѣйше желаетъ вашъ всегдашній ex animo П. Е. Ч.»

Это первый листокъ его, писанный вскорѣ послѣ нашего личнаго свиданія.

Упомянутый здѣсь живописецъ былъ университетскій учитель рисованія, Бонавентура Клембовскій, одинъ изъ переселенцевъ кременецкихъ.

— «Добраго здоровья Михаилу Александровичу!

«Свободны ли вы завтра? Я бы просилъ васъ пожаловать ко мнѣ въ первомъ часу на уху; у меня будутъ свои академисты. Да если не въ трудъ, дайте пожалуста знать о томъ г. Новицкому, Богородскому, Неволину и Орнатскому. Мнѣ хочется сдѣлать симпозионъ ученый. Я самъ не знаю, гдѣ они живутъ.»

Иннокентій постоянно желалъ сблизать университетское сословіе съ академическимъ. И было тогда у насъ общеніе не бесполезное взаимно.

— «Безъ вины виновать предъ вами; обѣщался въ столько-то часовъ прислать извѣстную бумагу, и вотъ уже третій день какъ присылаю.... Но причиною не я, а самая эта бумага. Она вплетена въ годовую книгу дѣлъ академіи; и посему не можетъ выйти изъ архива. Но мы нашли суррогатъ ея въ сводѣ законовъ, въ статьѣ объ учрежденіяхъ: тамъ сказано, въ какомъ чинѣ адъюнкты-профессоры наши и профессоры. Это, кажется, должно быть достаточно.

«Въ замѣнъ неустойки въ словѣ, посылаю цѣлый томъ словъ. Это новое произведеніе кievской духовной словесности. Просимъ благосклоннаго вниманія!

вамъ преданный П....»

Возникалъ тогда въ университетскомъ совѣтѣ вопросъ (чуть-ли не по поводу П. С. Авсенева): считать ли ученые степени и званія духовныхъ академій равноправными съ университетскими? Вопросъ этотъ возобновлялся и послѣ, такъ какъ отъ

министерства народнаго просвѣщенія не было еще рѣшительнаго согласія на ихъ равенство.

— «А я думалъ, что вы меня призабыли за мірскимъ разсѣянiемъ.... Поэтому мнѣ и жаль и почти не жаль, что вы нездоровы были. И мнѣ скучно безъ васъ.... Вы меня поймете....»

«Кто это и для чего такъ переписалъ мое ма-ранье? — Право, въ хорошей перепискѣ хоть куда рѣчь. А я еще недавно перечиталъ ваше слово о Кіевѣ, присланное мнѣ изъ совѣта. Истинно хорошо, брилліантовое. Съ книгами моими завтра, чуть свѣтъ, явится къ вамъ человекъ, ибо теперь кромѣ двухъ, кои посылаются, рѣшительно нѣтъ ни одной.»

«Господь и благодать Его съ вами отъ нынѣ и до вѣка!»

Такъ писалъ мнѣ Иннокентій въ половинѣ октября 1837 года, когда настала въ Кіевѣ тишина послѣ дней торжественныхъ. Сентября 24-го неожиданно прибылъ въ Кіевъ нашъ незабвенный министръ, Сергій Семеновичъ Уваровъ, и въ продолженіи двухъ недѣль воодушевлялъ собою все свое училищное вѣдомство, не преминувъ посѣтить и духовную академію. А вечеромъ 5-го октября

древняя мать русскихъ городовъ была обрадована и озарена прибытіемъ своего великаго князя и государя Цесаревича, обозрѣвавшаго въ томъ году Русскую землю.... Тогда и для меня въ Кіевѣ было достопамятное времячко, — особенно 2-е число октября, когда я въ торжественномъ собраніи читалъ свою «Рѣчь объ участи и значеніи Кіева въ общей жизни Россіи»; а потомъ 6-е и 7-е, которыя провелъ я съ Жуковскимъ, будучи проводникомъ ему по всему Кіеву.... Рано утромъ 8-го октября онъ обнялъ меня на прощанье; и это было уже послѣднее мое съ нимъ свиданіе. А на другой день уѣхалъ изъ Кіева и Сергій Семеновичъ, съ своимъ юнымъ и любознательнымъ сыномъ, которому тоже былъ я путеводителемъ по достопамятнымъ мѣстамъ кіевскимъ.... Какъ живо и пріятно мнѣ все то воспоминается нынѣ, въ моемъ нагорномъ уединеніи!

Въ ту пору, имѣя у себя подъ рукою отличнаго писца, я послалъ Иннокентію списокъ рѣчи, произнесенной имъ при нареченіи его въ епископы, въ святѣйшемъ синодѣ, при многочисленномъ собраніи петербургскаго вельможнаго міра. То было свидѣтельство общепризнанной славы нашего проповѣдника кіевскаго. Подлинникъ той рѣчи, съ поправками его руки, въ ней находившійся и во время произнесенія, онъ подарилъ мнѣ на память,

воротясь въ Кіевъ и говоря, что онъ ее не напечатаетъ. Она и въ самомъ дѣлѣ напечатана была, въ Воскресномъ Чтеніи, уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ Иннокентіевой кончины; а тотъ подлинникъ переданъ мною въ академическую бібліотеку, на усмотрѣніе будущимъ витіямъ духовнымъ.

Что же касается до его книгъ, то у меня была тогда оказія во Львовъ, и я хотѣлъ вмѣстѣ съ другими книгами послать и его сочиненія. Такія посылки туда были неоднократно.

19 іюля 1869 г.

Михайлова-Гора.

ПИСЬМО СЕМНАДЦАТОЕ.

Начало 1838 года памятно мнѣ сильными снѣгами и мятелями, и въ заключеніе ихъ небольшимъ землетрясеніемъ....

Генваря 11-го, въ 9 часовъ вечера, при 17-ти градусахъ мороза, послышался необыкновенный гулъ, похожій на лѣтній стукъ экипажей по мостовой. (Я жилъ тогда въ бывшемъ на Печерскѣ домѣ Семенюты.) Смотрю: на стѣнѣ у меня закачался, какъ маятникъ, портретъ нашего приснопамятнаго профессора И. Н. Даниловича; а на столѣ моемъ

зашатался большой подсвѣчникъ.... И продолжалось это около трехъ минутъ. Я говорилъ тогда словами лѣтописца печерскаго: «се же знаменье не добро бысть». Такъ и случилось въ то лѣто.

Только что окончили мы благоуспѣшно первый выпускъ четверокурсныхъ студентовъ, и весело проводили до Вѣты нашего попечителя, уѣзжавшаго въ Одессу для поправленія здоровья, — какъ на сѣверо-западѣ русскомъ открытъ былъ польскій заговоръ, и двадцать студентовъ-поляковъ, навербованныхъ въ Кіевѣ лукавымъ гувернеромъ Боровскимъ, привезены были изъ разныхъ мѣстъ въ Печерскую крѣпость. Плевель недобраго антирусскаго духа, показавшійся еще въ предшедшемъ году на четырехъ студентахъ-полякахъ, не искоренился тогда ничѣмъ, даже и грознымъ словомъ Царя, посѣтившаго свой новый университетъ въ томъ году 16-го августа.... Но я возвращусь еще къ веснѣ 1838 года.

— «Добраго здоровья Михаилу Александровичу! насъ почти, почти забывшему! а нами все, все памятуемому!

«Вы намъ когда-то обѣщали цвѣтовъ; теперь ихъ время. Нельзя ли вамъ написать списокъ; мы бы взяли сѣмень въ саду Государевомъ.

«Пишите побольше — намъ надобно много во-первыхъ для опушки дорогъ, а потомъ и для цвѣтниковъ.»

Духовный антологъ нашъ заботился тогда объ украшеніи своего архіерейскаго сада въ Михайловскомъ монастырѣ. Въ томъ саду открываема была тогда вновь развалина древней церкви. По близости ея къ Боричеву взвозу и къ южнымъ (Михайловскимъ) воротамъ первоначальнаго Кіева, я приурочилъ къ ней слова, изъ Игоревой пѣсни о приѣздѣ освободившагося изъ половецкаго плѣна новгородсѣверскаго князя въ Кіевъ, къ Святославу Всеволодовичу: «Игорь ѣдетъ по Боричеву къ святой Богородицѣ Пирогощей». И мы рѣшили тогда, что та развалина — вѣроятно же всего — есть остатокъ древней церкви Пирогощей, поставленной великимъ княземъ Мстиславомъ Владиміровичемъ.

— «Завтра, почтеннѣйшій Михаилъ Александровичъ, мы рѣшились всею семьєю академическою пуститься за городъ въ Виоанію, встрѣчать веону. Просимъ покорнѣйше раздѣлить съ нами это удовольствіе. Я отправлюсь послѣ поздней обѣдни, которая будетъ въ 9 часовъ, и вы можете ѣхать со мною. А прочіе господа, т. е. почтеннѣйшій г.

Неволинъ, Орнатскій, Богородскій и Новицкій, пусть потрудятся достать себѣ коней. Радъ бы душевно служить имъ самъ, но лошади всѣ въ дѣлѣ теперь и разгонѣ, по причинѣ праздника.

«Чтобы не произошло недоразумѣнія касательно мѣста, куда ѣхать, для этого при поворотѣ съ большой дороги въ-лѣво на 13 верстѣ будетъ сидѣть человекъ и указывать путь.

«Между тѣмъ прошу покорно извѣстить сихъ господъ заранѣе и дать мнѣ нынѣ вечеромъ знать о ихъ согласіи. Это нужно для того, что въ Виѳаніи нѣтъ готовой ни мебели, ни посуды, а надобно все везти отсюда; стало быть, было бы на чемъ сѣсть.

«До свиданія!»

Живо помню Иннокентія въ оной прекрасной пустынѣ, такъ развеселившагося въ тотъ день, что вмѣстѣ съ своими академическими учениками онъ забавлялся даже игрою въ мячъ.... Ту живописную пустынь Михайловскаго монастыря, впервые устроенную въ 1803 году первымъ викаріемъ кievскимъ Теофаномъ Шіяновымъ, и потому названную *Теофаніей*, Иннокентій возлюбилъ особенно, и назвалъ ее — *Виѳаніей*. Въ замѣнъ несбывшагося странствія въ Палестину, о которомъ надежда и мысль не оставляли его даже до смерти,

онъ любилъ уединяться въ лѣтнее время въ свою подкѣевскую Виоанію, и разныя мѣстности ея называлъ онъ именами библейскаго востока: тутъ были у него — и гора Фаворъ, и долина Иосафатова, и потокъ Силуамскій....

Лѣтъ за семь та пустынь преобразовалась въ благоустроенный скитъ, ревностію благочестиваго старца Вонифатія.

Къ исходу 1838 года относятся слѣдующія три Иннокентіевы грамотки:

— «Прошу покорно прислать тезисы завтрашнихъ диспутовъ по исторіи и словесности. Я думаю побывать на ученой палестрѣ и посмотрѣть на вашихъ атлетовъ. — »

То были въ университетѣ св. Владиміра первые ученые диспуты; но къ сожалѣнію, первые атлеты наши, историкъ Домбровскій и поэтъ Красовъ, сошли съ ученой палестры неудачно, и не были удостоены искомой ими — легко сказать — докторской степени. По старому уставу и по нашимъ прежнимъ понятіямъ, степень *доктора медицины* была весьма трудно достижимая, такъ что въ пятнадцатилѣтнюю бытность мою въ московскомъ университетѣ (1819 — 1834 г.) я помню только трехъ магистровъ, взшедшихъ на эту вы-

соту учености. Только Степанъ Алексѣевичъ Масловъ въ 1820-мъ году сталъ докторомъ нравственно-политическихъ наукъ, да Глаголевъ въ 1823-мъ году и Надеждинъ въ 1830-мъ году — докторами словесныхъ наукъ; а на докторство по факультету наукъ физико-математическихъ и не нашлось тогда ни одного магистра.... Когда же по новому уставу университетскому докторская степень поставлена была въ условіе для званія ординарнаго профессора, — то Сергій Семеновичъ въ апрѣлѣ 1838 года исходатайствовалъ на одинъ этотъ годъ великое снисхожденіе для университетскихъ преподавателей, и только для тѣхъ, которые не имѣли еще званія ординарнаго профессора: имъ дозволено было получить докторскую степень прямо за одну только диссертацию, одобренную факультетомъ и защищенную публично. Немудрено, что первые наши охотники на это облегченное и умаленное докторство — лицейскій питомецъ В. Ѳ. Домбровскій и кандидатъ В. И. Красовъ — только-что принятые въ университетскіе адъюнкты изъ гимназическихъ учителей, не сьумѣли защитить своихъ тезисовъ отъ серьезныхъ возраженій, предложенныхъ разными оппонентами, въ томъ числѣ и Иннокентіемъ. Также неудачно сошелъ съ каѳедры и извѣстный краевый натуралистъ, старый адъюнктъ А. А. Андржеевскій, пожелавшій стать

докторомъ естественныхъ наукъ. Посчастливилось тогда получить это званіе новому преподавателю ботаники, Р. Э. Траутфеттеру, защищавшему свою маленькую диссертацию «de Pentastemone genere» 21 декабря, когда въ университетѣ нашемъ была печаль-забота уже не о диспутахъ, но о бытіи самого университета.... За то же этотъ профессоръ оставилъ по себѣ въ Кіевѣ неувыдаемую память — ботаническій садъ, насаженный имъ при университетѣ.

— «Добраго дня! Нельзя ли сказать намъ: кто таковъ Масловъ — въ Москвѣ, трудящійся по экономическому или земледѣльческому обществу? Мнѣ очень нуженъ его адресъ.

«Какъ жаль, что г. Ставровскій не держитъ экзамена. Нельзя ли его какъ нибудь разбудить? Въ немъ видѣнъ умъ....»

Замѣченный Иннокентіемъ на диспутѣ Домбровскаго А. И. Ставровскій, питомецъ педагогическаго института, былъ тогда исправляющимъ должность адъюнкта всеобщей исторіи. Ему также разрѣшено было получить въ 1838 году облегченное докторство; но онъ не представилъ диссертациі, и держалъ экзаменъ на степень магистра уже въ 1840 году.

— «Добраго здоровья и добраго окончанія добраго труда!

«А у меня къ вамъ вотъ какая просьба: нельзя ли выслать ко мнѣ какъ-нибудь вашего профессора архитектуры. Мнѣ нужно посовѣтоваться съ нимъ касательно своей колокольни и балдахина надъ мощами.

Вашъ ex animo I.»

Это писано въ началѣ ноября 1838 года. Получивъ изъ типографіи первый корректурный листъ моей «Исторіи древней русской словесности», я послалъ его къ Иннокентію, съ надписаніемъ: благослови, владыко. Онъ возвратилъ съ своей надписью: Богъ благословитъ! и съ приложеніемъ этой грамотки. Упомянутый въ ней профессоръ архитектуры былъ Францъ Ивановичъ Мѣховичъ, одинъ изъ самыхъ дѣловыхъ переселенцевъ кременецкихъ.... О немъ напоминаютъ въ Кіевѣ — желѣзные перекладины, вдѣланныя имъ въ древній остатокъ Золотыхъ воротъ Ярославовыхъ.

16 іюля 1869 г.

Михайлова-Гора.

ПИСЬМО ВОСЕМНАДЦАТОЕ.

«Здѣсь идея университета страждетъ» — говоритъ бывало нашъ достопамятный московскій профессоръ Михайло Григорьевичъ *Павловъ*, при каждомъ случаѣ, несообразномъ съ достоинствомъ университета. Объ этой поговоркѣ его зналъ отъ меня Иннокентій, вспоминая съ удовольствіемъ, что онъ родомъ изъ того же города Ельца, въ которомъ родился профессоръ Павловъ. Преосвященный ректоръ кіевской академіи, будучи почетнымъ членомъ университета св. Владиміра, принималъ близко къ сердцу все, относившееся къ судьбѣ этого всеучилища, и порою говорилъ мнѣ съ улыбкой: «здѣсь идея университета страждетъ!» Но съ какою грустію онъ сказалъ мнѣ въ 1838 году, 26 ноября (въ день своего втораго ангела, пр. Иннокентія иркутскаго): «А знаете-ли, какое извѣстіе пришло изъ Петербурга? Тамъ идетъ уже рѣчь о закрытіи нашего университета....»

Взволновало меня это извѣстіе, хотя я уже и думалъ, и ожидалъ, что безъ того не обойдется.... Еще въ предшедшемъ году, С. С. Уваровъ, въ прощальной рѣчи своей къ студентамъ, говорилъ такъ: «университетъ св. Владиміра — мое созданіе; но я первый наложу на него руку, если онъ окажется

несоотвѣтственнымъ назначенію своему и благимъ видамъ правительства....»

Въ то время краснорѣчивый министръ объявилъ во всеуслышаніе, что университетъ въ Кіевѣ учрежденъ для распространенія русскаго образованія и русской народности въ ополяченномъ краю Западной Россіи. Не могло и быть иначе! А между тѣмъ, въ начало этого университета положена была польская закваска лицея кременецкаго; и на второй-же годъ своего существованія онъ отлученъ былъ отъ прямаго и непосредственнаго дѣйствія на кіевскій учебный округъ — уничтоженіемъ *училищнаго комитета*; вслѣдъ за тѣмъ и вліяніе университета на своихъ студентовъ ограничено было только лекціями да экзаменами; а вѣдъ аудиторій они ввѣрены были особому инспекторскому вѣдомству, отстраненному отъ университета и подчиненному попечительской власти также непосредственно, какъ и весь учебный округъ. И ходятъ вереницею по университету распространители русской народности: попечитель фонъ-Брадке; за нимъ — помощникъ его Гинцель; за нимъ — инспекторъ студентовъ Гинглингъ, а за нимъ — помощникъ его Рутенбергъ....

«Знаете ли же что» — сказалъ мнѣ Иннокентій — «напишите вы для меня мысли ваши объ университетѣ въ его оправданіе; а я постараюсь

дать имъ дальнѣйшій ходъ». — Я не могъ отказаться отъ этого, и черезъ день составилъ и доставилъ ему записку, которую при семъ письмѣ прилагаю, для твоего историческаго вѣденія.

Смутное время въ исторіи университета св. Владиміра составляетъ *пятый* годъ его бытія, т. е. 1838 — 1839-й. На мѣсто перваго попечителя, открывавшаго университетъ, прибылъ въ мартѣ 1839 года новый попечитель, князь С. И. Давыдовъ: и въ томъ же мѣсяцѣ — лекціи прекратились, аудиторіи опустѣли; настала безвременная, долгая ваканція.... Тогда, какъ будто и кстати, постигла меня тяжкая болѣзнь, отъ которой всю весну и лѣто лѣчили меня невпопадъ тогдашніе лѣвы кіевской медицины....

Но вотъ и радость: закрытый на годъ университетъ повелѣно было открыть къ началу *шестого*, т. е. 1839 — 1840 года. Тогда, страдая безножіемъ, я выпросилъ себѣ квартиру во флигелѣ занятаго подъ университетъ Куртова дома и тамъ, оставаясь безвыходно до новой весны, прочелъ студентамъ еще одинъ курсъ лекцій о русской словесности, и кромѣ того — издалъ первую книгу моего историко-литературнаго альманаха, *Кіевлянина*. Отъ той поры уцѣлѣли у меня слѣдующія грамотки преосвященнаго Иннокентія:

— «Что ваше здоровье? — Я самъ другую не-

дѣлю плачу дань простудѣ. Хотѣлось проводить покойнаго Голубцова изъ церкви до могилы. Разстояніе небольшое; но морозъ въ 16 градусовъ сдѣлалъ свое. — Нельзя ли прислать за вами сегодня? Возокъ будетъ теплъ, какъ горница. Не то я сберусь завтра провѣдать васъ. Скучно долго не видѣться.

Это писано въ февралѣ 1840 года. Между тѣмъ, получивъ отъ Иннокентія актовыя книги Михайловскаго Золотоверхаго монастыря, я старался по нимъ опредѣлить точнѣе прежняго исторію этого монастыря и его древней церкви — для «Обозрѣнія Стараго Кіева», которымъ начата первая книга Кіевлянина. Къ той церкви относится слѣдующая замѣтка Иннокентіева:

— «Побѣда на вашей сторонѣ — пока. Говорю: пока; ибо какое это *вынятье*? Татарское ли давнее, или какое либо бывшее послѣ. Ибо ихъ было нѣсколько. Мнѣ думается какое либо изъ послѣднихъ.

«Душевно бы радъ видѣться съ вами нынѣ вечеромъ; но вы забыли, что у насъ бываетъ вечеромъ нынѣ — всенощная праздничная. Утащилъ бы васъ къ ней, но жаль вашего здоровья; ибо служба въ большой холодной церкви. Не прислать ли завтра часовъ въ 5? — »

— «Очень жаль Колеівщины. Но другаго съ сѣ-
вера почти и ожидать было нельзя. Столько же
жаль, что не могу видѣться съ вами нынѣ. Зав-
тра служу; послѣ завтра тоже. Когда-же? Стало
быть въ воскресенье. Но какъ это долго? Выду-
майте, какъ сократить этотъ срокъ, если можно.

«Жуговскій очень милъ въ своихъ стихахъ. Спа-
сибо ему.

«Надгробья идутъ къ своей цѣли. Все хоть ку-
да; только будьте здоровы. Сего всей душой же-
лаетъ вамъ

вашъ П....»

Предпринявъ изданіе Кіевлянина, я написалъ
«Сказаніе о *Колеівщинѣ* 1768 года», рассчиты-
вая на него, какъ на самую интересную для чи-
тателей статью моего альманаха. Но бывшій тогда
цензоромъ С. О. Богородскій не только воспретилъ
печатать, но вошелъ въ кіевскій цензурный коми-
тетъ съ особымъ мнѣніемъ и настоялъ, что это
пугающее мнѣніе его послано было отъ комитета
въ Петербургъ, вмѣстѣ съ моимъ Сказаніемъ,
вопреки моему на то согласію.... Ну, и послѣдо-
вало недозволеніе графа Пратасова печатать въ
мѣстномъ изданіи сказаніе о Колеівщинѣ, такъ
какъ въ немъ изображается прежняя вражда съ

уній, такъ недавно еще прекращенной въ Западной Россіи. Тогда покойный Н. А. Маркевичъ выпросилъ у меня то Сказаніе и воспользовался имъ, какъ матеріаломъ, въ своей Исторіи Малороссіи.

Что касается до стиховъ Жуковскаго, то это *Цвѣтъ завѣта* (см. Кіевлянинъ, кн. I. стр. 170 — 174). Я получилъ ихъ при слѣдующемъ письмѣ:

«Посылаю вамъ для вашего Кіевлянина мой старый еще неизвѣстный стихотворный грѣхъ. Эти стихи не могутъ имѣть яснаго смысла для читателей, но объяснять для нихъ этотъ смыслъ я не могу. Они писаны по желанію, на заданный предметъ, и получили бы особенный интересъ, еслибъ можно было прибавить къ нимъ надлежащій комментарий. Теперь же они безъ интереса для читателя; и посылая ихъ вамъ, доказываю только мою готовность исполнить ваше желаніе — пріютить меня въ вашемъ альманахѣ. — Письмо ваше къ Гоголю доставлю въ Москву: онъ теперь тамъ; но едва ли отъ него что получите; у него нѣтъ ничего цѣлаго. — Простите! Буду ждать съ любопытствомъ вашего литературнаго дѣтища. Преданный вамъ Жуковскій. — 23 Декабря 1839».

Прибавлю, что «Цвѣтъ завѣта» написанъ былъ — въ *Павловскѣ, іюля 2, 1819 г.*

— «Надписи хоть куда!... Сожалѣніе о русскихъ ополячившихся фамиліяхъ очень кстати. Пусть пораздумають на досугѣ.

«Книга Голубиная не безъ интереса, только какъ бы цензура не привязалась къ нѣкоторымъ выраженіямъ, наприм. вѣтры *буйные* отъ Св. Духа; или — Давидъ *Тесеевичь*. Первое можно замѣнить — сильными, а послѣднее можетъ пройти молча.

«Но главное — будьте здоровы. На нашемъ бѣломъ свѣтѣ такъ мало нечерныхъ людей, что тяжело и подумать о ихъ убыли....»

Я предполагалъ тогда помѣстить въ Кіевлянинѣ народно-русскій стихъ о *Голубиной книгѣ*, однако почему-то не напечаталъ. Что касается до *надписей*, то это были переведенныя мною изъ Тетраургимы 1638 г. въ статьѣ моей «о надгробіяхъ въ Печерскомъ монастырѣ». Этою статьёй поднятъ былъ немаловажный историческій вопросъ: какіе дворянскіе роды западнорусскаго края, состоящіе уже польско-католическими, были встарину православно-русскими? Къ этому же вопросу относились и «Родословныя записки» во второй книгѣ Кіевлянина, гдѣ поименовано до девяноста дворянскихъ фамилій на Волыни, принадлежавшихъ въ 17 вѣкѣ къ православной восточной церкви.

Въ прошлогоднихъ письмахъ къ тебѣ, именно въ третьемъ, я сообщилъ уже двѣ грамотки, писанныя Иннокентіемъ въ великій постъ 1840 года. Вотъ и еще отъ того же времени:

(Въ недѣлю православія, 3 марта).

— «Благодарю, душевно благодарю! — А я только-что изъ Софійскаго. Обрядъ многознаменательный, приводящій на память многое и дающій гадать о многомъ!... Возглашая многія лѣта многимъ, я вспомнилъ и васъ, коему такъ нужно здоровье. Сего наусерднѣйше желаетъ вашъ отъ души Иннокентій.

«Не прислать ли за вами въ 6 часовъ? На всякій случай пришлю. Нельзя будетъ ѣхать, такъ привезутъ отъ васъ вѣсточку какую-либо.»

(Въ исходѣ великаго поста).

— «Добраго здоровья, душевнаго и тѣлеснаго!
«Завтра въ 10 часовъ явятся къ вамъ два братіи изъ нашей обители для совершенія часовъ; а въ пять они же отпоютъ вечерню съ утреней. Надѣюсь, что вы ими будете довольны. Прежде десяти часовъ быть имъ у васъ оказывается неудобнымъ.

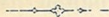
Господь съ вами! — »

(15 апрѣля, на второй день Свѣтлаго праздника).

— «Христось воскресе! Христось воскресе! И паки Христось воскресе! Такъ и столько разъ говорилъ я въ церкви всей церкви; столько же разъ говорю и вамъ одному, чтобы Господь воскресшій воскресилъ ваши силы и оживилъ духъ радости... Смотрите, какой прекрасный день! Истинная весна! Пора слѣд. съ одра! Мнѣ кажется, если вы начнете дышать не комнатнымъ воздухомъ, разумѣется, когда онъ тепелъ, то вамъ будетъ гораздо лучше. Такому духу, какъ вашему, въ комнатѣ хуже, нежели птицѣ въ клѣткѣ. И такъ на свободу! Подъ сводъ небесный! — »

25 августа 1869 г.

Михайлова-Гора.

**МЫСЛИ ОБЪ УНИВЕРСИТЕТѢ СВ. ВЛАДИМИРА
ВЪ КОНЦѢ 1838 ГОДА.**

Между студентами университета св. Владиміра открыто въ семь году значительное число приставшихъ къ тайному обществу злоумышленниковъ польскихъ. Сіе событіе не могло не обратить на себя особеннаго вниманія и возбудило многія о томъ сужденія, среди коихъ легко родиться нареканію и на самый университетъ, едва начавшій ис-

полнять важное и трудное дѣло, для котораго онъ назначенъ правительствомъ. Тѣмъ прискорбиѣе сіе происшествіе, что первыя начинанія университета, основаннаго во имя св. Владиміра, какъ-бы по благословенію великаго Просвятителя Россіи, были ознаменованы тою счастливою удачею, отъ которой, казалось, можно было ждать только желанныхъ послѣдствій.

Какимъ же образомъ такъ скоро въ немъ произошло явленіе столь недостойное? Университетъ ли былъ причиною, что между нѣкоторыми студентами его завелся неблагонамѣренный духъ, и что онъ не только не искоренилъ самъ, но даже и не открылъ въ себѣ существующихъ уже плевелъ? Должно ли по сему событію заключать о рѣшительномъ уклоненіи университета отъ той цѣли, къ которой постоянно направляло его правительство, которую само оно подтвердило и объяснило ему, въ концѣ прошлаго года, при первыхъ проявленіяхъ неблагонамѣреннаго духа въ его воспитанникахъ? Ужели, наконецъ, можно сомнѣваться, чтобы сей новый русскій университетъ не въ состояніи былъ выполнить своего назначенія, съ пользою и честію для Россіи?

Участіе, съ какимъ вы говорили со мною объ университетѣ въ сихъ отношеніяхъ, побудило меня написать вамъ мои о томъ мысли.

1) Польская затѣя, въ которой оказались участвующими нѣкоторые университетскіе студенты, привита къ нимъ извнѣ, соблазномъ постороннихъ. Потому начало зла не въ университетѣ. Университетъ неповиненъ и въ томъ, что многіе студенты оказались способными отозваться на злоумышленіе польское; ибо можно рѣшительно сказать, что со стороны профессорскаго сословія не было имъ преподано ничего въ противозаконномъ духѣ: русскіе профессеры не могли сообщить имъ ничего недобнаго уже по своей народности; профессеры-поляки уже изъ одной осторожности были весьма осмотрительны въ своихъ преподаваніяхъ. Нельзя ставить въ вину университету, какъ учебному мѣсту, и того, что онъ не открылъ самъ между студентами своими нелѣпой затѣи и тайныхъ связей. Ибо ректоръ университета завѣдуетъ преимущественно ходомъ и духомъ университетскихъ преподаваній и присутственныхъ мѣстъ; ему, какъ и всему прочему сословію университетскихъ преподавателей, принадлежитъ ограниченное прикосновеніе къ студентамъ и вліяніе на нихъ собственно только *учебное*, на лекціяхъ и экзаменахъ. И въ семъ общемъ отношеніи университетъ кіевскій дѣйствовалъ успѣшно, какъ показалъ окончательный экзамень перваго выпуска. Наблюденіе же за духомъ и личнымъ образомъ

мыслей студентовъ, за ихъ связями, поведѣніемъ и всею жизнію внѣ аудиторій, принадлежитъ особому инспекторскому вѣдомству, въ которомъ сословіе профессорское не участвуетъ, съ которымъ оно сносится о поведѣніи студентовъ только въ извѣстныхъ случаяхъ, оставаясь въ сторонѣ отъ студентовъ въ семъ отношеніи и не имѣя никакого участія ни въ наблюденіи за ихъ образомъ жизни, ни въ смотрѣніи за ихъ образомъ мыслей и духомъ политическимъ. И такъ университетское образованіе ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть почитаемо источникомъ противозаконнаго образа мыслей, которому оно могло и можетъ только противодѣйствовать; открытіе же неблагонамѣреннаго духа въ студентахъ, извнѣ принесеннаго, для профессорскаго сословія было невозможно, по самому его отношенію и прикосновенію къ студентамъ.

2) Явленіе ложнаго духа между студентами случилось въ университетѣ независимо отъ него самого и не должно принимаемо быть за уклоненіе всего университета отъ предназначенной ему цѣли. Открытіе онаго также относилось не ко всему университету, но къ вѣдомству инспекторскому, которое непосредственно подлежитъ мѣстному начальству округа. И такъ на явленіе сіе должно смотрѣть какъ на частное и временное событіе,

при началѣ новаго и труднаго дѣла, каково образование университета кievскаго.

3) Явленіе сіе произошло частію отъ неизбѣжныхъ причинъ, заключающихся въ самой мѣстности университета и въ затруднительномъ дѣлѣ распространенія русской образованности на поляковъ, частію отъ случайнаго недостатка въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ соображеніяхъ относительно состава университетскихъ сословій и ближайшаго, прямого приуроченія ихъ къ предположенной цѣли университетскаго воспитанія. Что укрылось въ началѣ отъ мѣстнаго начальства, при всей его провицательности и неусыпной, признанной дѣятельности, то видно теперь изъ послѣдствій, какъ изъ опыта, повѣряющаго и проясняющаго всякую систему.

а) Неизбѣжная причина заключается въ самомъ количествѣ поляковъ, которыхъ, при всей строгости приѣмныхъ экзаменовъ, поступаетъ въ университетъ слишкомъ много въ сравненіи съ числомъ русскихъ студентовъ: ибо изъ трехъ западныхъ губерній кievскаго округа и изъ губерній бѣлорускаго округа поступаетъ болѣе поляковъ, чѣмъ русскихъ. При таковомъ ихъ количествѣ въ университетѣ, они сближаются между собою дружнѣе, чѣмъ съ русскими, и составляютъ теперь въ студентскомъ сословіи видимое большинство; да и

въ самомъ городѣ, гдѣ такъ много поляковъ, они имѣютъ непрестанныя столкновенія съ ними, чему воспрепятствовать не можно никоимъ образомъ; слѣдственно — и университетскимъ и городскимъ обществомъ въ польскихъ студентахъ поддерживается и языкъ, и разныя другія особенности польскія, съ которыми они поступаютъ въ университетъ. Здѣсь-то предположено распространять на нихъ образованіе русское, исправлять въ нихъ поврежденія польскія, и такимъ образомъ присоединить ихъ къ русскимъ. Потому начальство, считая ихъ главнымъ поприщемъ своего дѣйствованія, старалось сперва о привлеченіи ихъ въ Кіевъ, дабы здѣсь исподоволь распространить на нихъ русскую народность, скрывая между тѣмъ отъ нихъ сію цѣль. Но достигая такъ успѣшно первой цѣли, въ то же время — для второй цѣли — надо было и въ основаніи студентскаго сословія умножить возможно болѣе число русскихъ, дабы и здѣсь русская стихія была основная и господствующая.

б) Чтобы дѣйствовать съ предположенною цѣлію на значительную массу польскихъ студентовъ, при вышесказанной ихъ неизбѣжной общительности съ поляками посторонними, надо было, по крайней мѣрѣ, профессорское сословіе основать и продолжать въ чисто-русскомъ составѣ. Ибо здѣсь недостаточно еще общаго дѣйствія, которое было бы

только непротиворусское; для отрицанія польскаго духа необходимъ положительно русскій. Между тѣмъ первоначальный составъ профессорскаго сословія былъ преимущественно изъ кременецкихъ учителей. Сначала они могли казаться необходимы для привлеченія въ университетъ поляковъ; но и безъ того ихъ было бы достаточно для первыхъ годовъ, и лучше бы съ перваго разу образовать и въ-послѣдствіи продолжать профессорское сословіе изъ однихъ природныхъ русскихъ. Ибо, хотя польскіе преподаватели своимъ отрицательно-безпорочнымъ поведеніемъ и безвреднымъ преподаваніемъ не давали студентамъ ничего, что бы возжигало и питало въ нихъ напрасныя польскія мечты; но уже своимъ пребываніемъ они препятствовали распространенію и развитію русскаго духа и успѣхамъ чистаго языка русскаго; при томъ же, и въ отношеніи ученомъ, большая часть ихъ была не университетскаго, запоздалаго достоинства. Нѣкоторые изъ таковыхъ уже окончили службу; двое изъ нихъ, болѣе другихъ лишніе, переведены въ Харьковъ. Такимъ образомъ число ихъ умалется. Но вмѣсто того стали умножаться профессеры изъ дерптскихъ лифляндцевъ, достойные по своей учености, но плохо знающіе русскій языкъ; полезные въ общемъ ученомъ отношеніи, но не могущіе споспѣшествовать умноженію здѣсь народности русской. Такимъ обра-

зомъ русскіе профессеры, которые отъ самаго начала университета несли и несутъ главную тяготу дѣль его, не имѣють содѣйствія себѣ въ распространеніи положительно-русскаго духа и даже иногда встрѣчали препятствіе своимъ стремленіямъ къ тому.

в) Подобный, если не бѣльшій недостатокъ случился и въ составѣ, и въ направленіи вѣдомства инспекторскаго. Руководимое непосредственнымъ вліяніемъ мѣстнаго начальства, оно ревностно исполняло свои наблюденія за благоустройствомъ и благочиніемъ студентовъ. Но въ немъ недоставало той смѣтливой прозорливости, которая, подѣ личною внѣшней подчиненности и покорности начальству, угадала бы затаеніе польскаго духа и, по первымъ его проявленіямъ въ студентахъ, особливо послѣ побѣга Гордона, предположила бы существованіе онаго духа болѣе уже значительное, чѣмъ простодушныя выраженія странностей польскихъ. Послѣдствія показали, что такое предположеніе было бы не напрасно, и что осторожная недовѣрчивость должна бы быть неотлучною во взглядѣ и на студентовъ польскихъ въ отношеніи политическомъ. Тѣ изъ нихъ, которые оказались способными къ поползновенію на отступничество и пристали къ соблазну внѣшнему, болѣею частію были отличными въ общихъ условіяхъ и требованіяхъ университет-

скаго поведенія; а нѣкоторые изъ нихъ были отличены особеннымъ вниманіемъ и ласкою начальства, и не смотря на то носили въ себѣ и принимали въ себя недостойныя мысли и неблагодарныя чувства. Такъ и Боровскій, который (какъ слышно) первый привилъ къ студентамъ заразу политическую, кт. сожалѣнію, признанъ былъ отъ мѣстнаго начальства самымъ способнымъ воспитателемъ польскаго юношества.

г) Изъ сказаннаго видно, какой недостатокъ былъ въ системѣ мѣстнаго управленія университетомъ. Предположивъ дѣйствовать преимущественно на юношество польское, мѣстное начальство стремилось къ привлеченію его изъ домовъ родительскихъ и слишкомъ спѣшило умноженіемъ его въ Кіевѣ; предполагая же дѣйствовать на него постепенно и незамѣтно, оно напрасно замедлило усиленіемъ и умноженіемъ русской стихіи во всѣхъ трехъ сословіяхъ университета, какъ-бы опасаясь отворотить отъ него поляковъ, явнымъ обнаруженіемъ русскаго духа и своихъ сокровенныхъ видовъ на юношество польское.

Потому въ сей системѣ постепеннаго перехода было много искусственнаго, изысканнаго, обоюднаго, и не доставало прямого, открытаго, положительнаго дѣйствованія. Отъ того въ университетѣ оказался избытокъ нерусской стихіи и недостатокъ въ

средствахъ къ положительному распространенію народно-русскаго образованія и духа.

4) Для противодѣйствія сему необходимо было бы теперъ рѣшительное усиленіе русской стихіи и удаленіе не только польской, но и всякой нерусской.

а) Въ студентскомъ сословіи дальнѣйшее притеченіе поляковъ ограничится прошлогоднымъ министерскимъ распоряженіемъ о принятіи въ студенты только изъ публичныхъ заведеній. Къ тому же могло бы способствовать и отклоненіе Бѣлоруссіи отъ кіевскаго округа, напримѣръ, къ московскому; а между тѣмъ присоединеніе къ кіевскому округу полтавской и нѣкоторыхъ другихъ губерній способствовало бы къ умноженію природныхъ *россіянъ* въ университетѣ, которые и сами по себѣ достойны вниманія, и тѣмъ болѣе, что составляютъ собою даже важное средство къ дѣйствию на поляковъ.

б) Въ сословіи профессорскомъ еще болѣе необходимо устранить существующую нынѣ разноплеменность состава и образовать его чисто-русскимъ.

в) Того же требовало бы и сословіе инспекторское, по крайней мѣрѣ въ помощникахъ, какъ въ тѣхъ именно лицахъ, которыя, имѣя непрестанное и ближайшее обращеніе съ студентами, могутъ болѣе другихъ дѣйствовать на нихъ и узнавать ихъ.

5) На четырехъ-годовое бытіе университета,

сперва столь удачное, потомъ какъ-бы сомнительное, должно смотрѣть еще какъ на первый опытъ, долженствующій служить въ пользу къ дальнѣйшему, уже прочному его бытію и дѣйствию. Паденіе университета есть паденіе младенца, когда онъ становится на ноги, и не означаетъ еще упадка въ немъ жизни. Университетъ въ Кіевѣ, въ семъ постоянномъ издревле средоточіи обѣихъ сторонъ Днѣпра, есть учрежденіе самое благое и вѣрное — для распространенія русскаго просвѣщенія между русскими и поляками сего края, самое надежное и постоянное для противодѣйствія польскому духу. А какъ памятникъ, воздвигнутый правительствомъ святому Владиміру, онъ есть, можно сказать, святое дѣло. Можно ли же полагать, чтобы онъ, съ обновленнымъ направленіемъ своимъ и подкрѣпленіемъ отъ правительства, со временемъ не поборолъ мѣстныхъ и временныхъ препонъ, — не достигъ цѣли, ему назначенной, и не принесъ желанныхъ плодовъ своему отечеству!

Кіевъ. 1838 г. 28 ноября.

ПИСЬМО ДЕВЯТНАДЦАТОЕ.

Я все еще здѣсь, а не въ Кіевѣ, и въ продолженіе девяти мѣсяцевъ не написалъ и девяти

страницъ для печати. Ты вполнѣ поймешь, какъ это мнѣ тяжело и прискорбно.... Дай же хоть перепишу для тебя еще несписанныя грамотки незабвеннаго Иннокентія, вспоминаячи по нимъ и свое давнопрошедшее время!

Вотъ листокъ его отъ 12 іюня 1840 года:

— «Крайне благодаренъ вамъ за Андрея Венгерскаго. Книги ваши собираю. Завтра думаю быть въ Выдубицкомъ часа въ 3 или 4 послѣ обѣда. Доселѣ нельзя было сего сдѣлать: каждый день были на экзаменѣ. Можно ли вамъ быть завтра въ такое время тамъ? Увѣдомьте: я за вами заѣду.»

Иннокентій въ томъ году много занимался источниками для исторіи русской церкви, а также польской и другихъ славянскихъ; и я взялъ для него изъ университетской бібліотеки извѣстную книгу А. Венгерскаго (*Systema ecclesiarum slavonicarum*, 1652), которую и увезъ онъ изъ Кіева. Упомянутая поѣздка въ Выдубицкій была уже послѣдняя моя прогулка за городъ, вмѣстѣ съ Иннокентіемъ. Вакаціонное время я провелъ на своей, еще неустроенной Михайловой-Горѣ, и отсюда писалъ къ нему о печальномъ упадкѣ двухъ сословій здѣшняго люда, связанныхъ между собою крепостнымъ правомъ — съ 1783 года. Отвѣтомъ его было то письмо, на латинскомъ языкѣ писанное

13-го августа, которое подлинникомъ я послалъ тебѣ для «Вѣнка»; но оно въ него не попало и гдѣ-то запропало. Жаль если не отыщется! — По возвращеніи моемъ въ Кіевъ, безъ поправленія здоровья, подалъ я 30-го сентября прошеніе объ отставкѣ. Къ тому мѣсяцу относятся слѣдующія двѣ Иннокентіевы грамотки:

— «Что ваше здоровье? — Возмогайте хоть по немногу. Мнѣ хочется навѣститъ васъ. Или не прислать ли за вами коней? Когда и какъ?»

«Посылаю книгу: взгляньте. Можно ли по ней получить понятіе правильное о царствѣ минеральномъ. Если можно, то я куплю. Ибо, страхъ какъ хочется познакомиться получше съ камнями и растеніями. А вы будете моимъ учителемъ. Въ такомъ разѣ я не сомнѣваюсь въ успѣхѣхъ.»

«Нельзя ли даже возымѣть какую нибудь коллекцію камней, разумѣется самыхъ основныхъ; ибо царство каменное должно быть въ основѣ своей просто.»

«Но камнями ли занимать васъ? — Будьте здоровы, и хоть строчку въ отвѣтъ. Что пишетъ къ вамъ Погодинъ? — »

— «Я все плачу вамъ долгъ по немногу, смотря потому, какъ попадается какая-либо книга подъ руку. А мнѣ пришлите мой патентъ на философію.»

Какъ онъ вамъ показался? Не правда ли, что очень, очень сомнительнымъ? — По крайней мѣрѣ я не предъявлялъ его на полученіе имени русскаго философа и не думалъ никогда предъявлять. Но такова судьба. Иной всѣми силами добивается этого титула; а со мной вышло противное.

«У меня зарождается охота издать Историческую Библіотеку здѣшняго края. Не откажитесь послужить доставленіемъ или указаніемъ гдѣ доставать старыя книги, въ коихъ содержатся свѣденія о нашемъ краѣ. Такой Соргус книгъ историческихъ послужить основаніемъ для будущихъ историковъ.

«Подъ книгами историческими я разумѣю тѣ, въ коихъ описывается какое-либо событіе, или эпоха, хотя бы то не прямо, а съ примѣсю полемики, морали, и тому подобное: таковы напр. произведенія Мелетія Смотрицкаго, Палинодія и проч.

«Пріѣхалъ ли министръ? —

«Добраго здоровья? — »

Въ этомъ письмѣ Иннокентій называетъ «патентомъ на философію» свою статью (помнится, о неологизмѣ), напечатанную въ Казани, въ Ученыхъ Запискахъ, которую сообщалъ онъ мнѣ на прочтеніе *). — Его намѣреніе объ изданіи Истори-

*) Статья «о неологизмѣ или рационализмѣ» напечатана въ IV-й книжкѣ «Ученыхъ Записокъ» казанскаго

ческой Библіотеки лишь теперь стало приводиться въ исполненіе нынѣшними дѣятелями кіевской академіи. — А вопросъ его о министрѣ — относился къ С. С. Уварову, который въ ту осень возвращался черезъ Кіевъ изъ-за границы нездоровый, и съ которымъ я видѣлся тогда уже въ послѣдній разъ, проведя у него пріятный вечеръ.

(Въ октябрѣ 1840 г.)

— «Добраго дня! Вчера не могъ отвѣчать за суетами. Жаль, что нѣтъ Вишней: гдѣ бы ихъ достать? Я бы дорого заплатилъ за нихъ. Просьбу вашу о Выдубицкомъ я отправилъ къ о. Дмитрію: получивъ отвѣтъ, не замедлю переслать къ вамъ. Посылаю Луцкую рукопись; но, коли въ ней минеть нужда, покорнѣйше прошу возвратить мнѣ: многое изъ нея должно войтить въ мой Сборникъ. Но я вижу, что вы не покидаете пера для вашего сборника: это не хорошо очень. Надобно прежде собраться съ силами.

университета за 1840 годъ (стр. 10 — 23). Архимандритъ Гавріилъ, преподававшій философію въ казанскомъ университетѣ, извлекъ эту статью изъ записокъ по обличительному богословію, (которое читалъ Иннокентій въ санктпетербургской духовной академіи) и помѣстилъ ее въ своей исторіи русской философіи, которую напечаталъ сперва въ «Ученыхъ Запискахъ», а вслѣдъ за тѣмъ и отдѣльною книжкою, составляющею шестую часть его «Исторіи философіи».

П. С — въ.

«А г. Погодинъ все молчить и мучить меня молчаніемъ. Ужъ прижмемъ же и мы его чѣмънибудь. Опъ будетъ кричать, а мы замолчимъ на полгода....»

«Когда прикажете прислать за вами? Не нынѣ ли часовъ въ 5? Или когда угодно?»

«Здоровья! здоровья! и еще здоровья!»

При этомъ его письмѣ сохранилась у меня еще слѣдующая записочка:

— «Виновать! забылъ сказать вамъ, что Выдубицкія бумаги въ тотъ же часъ взяты подъ особый надзоръ. Туда поѣхалъ на 1 недѣлю бакалавръ Аѳанасій, и взялся пересмотрѣть ихъ всѣ. А тамъ, какъ потеплѣетъ и Выдубицкій разцвѣтетъ, посмотримъ и мы съ вами.»

(5 ноября 1840 года.)

— «Очень жаль, что вы немощны. А къ вамъ было уже отправилась моя коляска съ человѣкомъ. Что дѣлать, потерпимъ. Погода въ самомъ дѣлѣ что-то суровѣетъ. *Выдубицкій* вашъ съ пріятностію вчера занялъ меня. И мѣсто, и описаніе интересны. Теперь послѣднее у о. Димитрія. Если ужъ онъ не найдетъ что прибавить, такъ значить все сполна.

«А я было возрадовался радостію великою, нашедъ

между Теофановими (Прокоповича) Miscellanea описаніе латинскими стихами мѣстоположенія Кіева; думаю, вотъ статья для Сборника. Выписываю книгу, гляжу, и что же? Это двадцать стиховъ, написанныхъ вѣроятно между товарищескими вечерами, въ шутку, на тему: у Кіева съ востока рѣка, а съ запада горы. Простая мысль сія перефразирована двадцать разъ, и болѣе ничего. Очевидно, игра въ стихи латинскіе, на кои Теофанъ былъ мастеръ! Такимъ образомъ, говоря латинью же: *spes me et vota fefellere.*

«Мое здоровье тоже не стоитъ похвалы; но надобно крѣпиться: идетъ праздникъ.

«Икона для васъ готова: только я велѣлъ обить ее матерією. Въ праздникъ она прибудетъ къ вамъ. Къ Михаилу Михаилъ отъ Михаила.

«Возмогайте по крайней мѣрѣ въ духѣ, когда изнемогаетъ плоть.

«Сего наусерднѣйше желаетъ вашъ И.»

Вотъ и еще одно письмо отъ того же ноября мѣсяца:

— «Добраго здоровья среди недоброй погоды!

«Подражая вамъ, и я начинаю тяжелѣть и болѣть: все какъ разбито. Бѣда съ нашимъ здоровьемъ!

«Вы когда-то рекомендовали мнѣ Исповѣданіе

Роговскаго: въ самомъ дѣлѣ хорошо, и я беру его въ свой Сборникъ. Но гдѣ ваша статья о Роговскомъ? Я бы взглянулъ на нее, ибо предъ каждымъ Исповѣданіемъ должно быть историческое предвареніе.

«Вы ждете отъ меня Сборника, а я отъ васъ Виршей Саковича на смерть Сагайдачнаго и его проповѣдей. Кто прежде получить? Я не посылаю за тѣмъ, что не выспросилъ отъ васъ хорошо, какой именно вамъ нуженъ сборникъ. Узнавъ, тотчасъ пришлю. А вы? Должно быть причина и у васъ. Какъ бы хорошо было ее удалить хотя общими силами! Но, если это потребуетъ какихъ либо усилій для васъ тяжелыхъ, то прочь всѣ сборники! — Будьте здоровы, и только, — нѣтъ еще, amen

tuum ex animo I.»

Видишь, какъ сильно желалъ Иннокентій достать ту книжицу стародавняго кievобратскаго ректора, Кассіана Саковича! Но она въ то время извѣстна была только въ одномъ экземплярѣ, принадлежавшемъ Румянцевскому музею. И не прежде, какъ черезъ девять лѣтъ, когда я въ Москвѣ, зимуя возлѣ Сухаревой-Башни, гостилъ цѣлый день у тебя на Дѣвичьемъ-Полѣ, любуясь сокровищами твоего *Древлехранилища*, — принесена бы-

ла тебѣ въ приобрѣтеніе старопечатная книжица in 4°. Въ ней мы съ тобою увидѣли разомъ нѣсколько рѣдкостей южнорусской печати: не только *Вирши* Саковича (1622 г.), но даже кievо-печерскую *Имнологию* (1630), о которой знали дотолѣ по экземпляру, принадлежавшему Демидовскому музею и вмѣстѣ съ нимъ погибшему въ московскій пожаръ двенадцатаго года. Та ново-приобрѣтенная тобою сборная книжица и послужила мнѣ побужденіемъ и основаніемъ для изданія третьей книги *Кіевлянина*, въ Москвѣ, къ Свѣтлому празднику 1850 года.

Что же касается до статьи о Палладіѣ Роговскомъ, то она была не моя, а написанная Надеждинымъ для второй книги моего *Кіевлянина*. Но и другой цензоръ, замѣнившій собою Богородскаго, не дозволилъ мнѣ ее напечатать, и я возвратилъ ее автору. — Досадуя на кievскаго цензора, Надежинъ писалъ мнѣ, между прочимъ, слѣдующее: «жалѣю, что не отдалъ статью процenzуровать здѣсь въ Одессѣ, гдѣ бы вѣрно не тронули ее ни волоскомъ.... Я напишу тебѣ другую статью непременно къ назначенному сроку, а эту отошлю куда-нибудь въ Питеръ: тамъ она пройдетъ, не зацѣпясь за фарисейскія рогатки.»

(7 декабря.)

Начало этого письма, относящееся къ Гнилецкому монастырю, было помѣщено выше (см. Письмо 14-е); а кончается оно такъ:

— «Посылаю вамъ еще всякаго хлама архивнаго связку. Прошедши сквозь вашу ученую реторту, можетъ быть онъ дастъ что либо не негодное для употребленія. Только просимъ беречь этотъ соръ, ибо онъ *лежитъ* въ описи.

«Погодина попросите переписать Визанія и прислать. — »

(12 декабря.)

— «Пересматривая лаврскія рукописи, коихъ у меня теперь цѣлая комната (150), я попалъ на списокъ (начала прошлаго вѣка) перевода Дамаскиновой грамматики и философіи, сдѣланнаго Егзархомъ Болгарскимъ. Онъ примѣчателенъ во многихъ отношеніяхъ; но мнѣ показалось замѣчательнымъ особенно опредѣленіе философіи. Не найдеть ли оно мѣста у васъ въ Сборникъ? Не то, порекомендовать бы его Погодину.

«Еще роясь въ актахъ вселенскихъ соборовъ, я нашелъ посланіе Смиѣскаго епископа къ императору Льву (около 451). Предметъ не такъ важенъ; но лице писавшаго — для насъ, потомковъ Смиѣовъ, весьма примѣчательно. Эту находку тоже

надобно какъ нибудь употребить. Скажите о ней Погодину. Епископъ изъявляетъ въ посланіи свое согласіе на принятіе халкидонскаго собора.

«Еще между подписями есть имя епископа Севастопольскаго. Эта епархія должна быть въ Крыму.

«Еще три епископа изъ Иллирика, нѣсколько изъ Мисіи, верхней и нижней.

«Вообще акты соборовъ скрываютъ въ себѣ матеріалы для нашей славянской исторіи. Мнѣ хочется просмотрѣть ихъ съ этой стороны: только трудъ не малый.

«Добраго здоровья. —

«Екзарха посылаю на усмотрѣніе личное. —»

— «Посылаю вамъ икону Архистратига, моля его наиусерднѣйше, да хранить васъ и новое жилище ваше. Для подписи на иконѣ не нашлось мѣста: подписывать на матеріи показалось неудобнымъ. И такъ примите безъ подписи то, что посылается отъ души и сердца.

«Өеатронъ у Придворнаго я вытребовалъ. Онъ продалъ уже его г. Шодуару. Но это, кажется, не вашъ. Посылаю однако на усмотрѣніе. А вашъ буду отыскивать.

«Здоровья самаго добраго и крѣпкаго!»

декабря 22,

1840.

Вседушевнымъ желаніемъ того же и тебѣ, старый друже-историче, кончаю мой нынѣшній день!

8 іюля 1870 г.

Михайлова-Гора.

ПИСЬМО ДВАДЦАТОЕ.

Въ началѣ 1841 года, бесѣдуя съ Иннокентіемъ, пришли мы къ той мысли, что пора бы и въ Кіевѣ быть историческому обществу, когда есть оно не только въ Москвѣ, но уже и въ Одессѣ. Князь С. И. Давыдовъ охотно взялся содѣйствовать исполненію этой мысли, и не замедлилъ собрать у себя кружокъ любителей исторіи. Сохранился у меня подлинный листъ—протоколъ того историческаго вечера. Въ заглавіе написано рукою Иннокентія:

ВО ИМЯ ОТЦА И СЫНА И СВ. ДУХА. АМИНЬ.

КІЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО

исторіи и древностей словенорускихъ.

За тѣмъ слѣдуетъ писанная рукою князя Давыдова программа, въ тотъ вечеръ составлявшаяся, со спискомъ предполагаемыхъ 20-ти дѣйствительныхъ членовъ и 9-ти членовъ основателей. (Вотъ имена послѣднихъ: «Преосвященный

Інноцентій. Князь Давыдовъ. Максимовичъ. Неволинъ. Кіевск. гражд. губернаторъ. Юзефовичъ. Шодуаръ. Скворцовъ. Ржевуцкаго».) Составленіе записки объ обществѣ и его устава возложено было на меня. Къ тому времени относятся слѣдующія три грамотки Інноцентіевы:

— «О стихотвореніяхъ Червонорускихъ статья прекрасная *). Апокрифическаго въ ней я ничего не вижу; вижу только у червоноруссовъ недостаетъ рускихъ поэтовъ. Если есть у васъ способъ послать имъ ихъ, я готовъ ихъ пожертвовать для сей цѣли.

«Сборникъ Луцкій переписанъ, только остается пересмотрѣть.

«Съ субботою отъ званія и трудовъ профессорскихъ — отъ души поздравляю!

«P. S. Вчера былъ у меня Грабовскій, нынѣ будетъ у васъ.»

— «Добраго дня! Мнѣ хотѣлось бы еще взглянуть на вашу Записку о Обществѣ; ибо тогда я ее пробѣжалъ слишкомъ скоро. Если можно, то пришлите.»

— «Съ великимъ, постомъ! —

*) Напечатана во 2-й книгѣ *Кіевлянина*.

«Примите трудъ переслать поскорѣе посылаемое къ вамъ письмо: я не знаю, гдѣ живетъ г. Гриневичъ, посему я не могу доставить его; а письмо очень нужно.

«Что нашъ уставъ? — Князь былъ у меня.... и очень заботится о немъ. Если дѣло за перепискою, то онъ брался переписать его у себя. Пора бы уже привести дѣло къ концу. Впрочемъ, все это подъ условіемъ вашего здоровья: безъ того, что проку и въ Обществѣ?...»

Записка-то и уставъ переписаны были скоро и представлены княземъ Дмитрію Гавриловичу Бибикову, уѣзжавшему въ Петербургъ. Но видно не была еще пора исполниться замышленію Иннокентія о *Кіевскомъ Обществѣ*; да и самъ онъ вскорѣ былъ оторванъ отъ Кіева....

Въ маѣ 1843 года послѣдовало высочайшее повелѣніе объ учрежденіи при кіевскомъ генералъ-губернаторѣ «*Временной Коммисіи* для разбора древнихъ актовъ». Началась она 7-го ноября того же года — совѣщаніемъ у Шодуара, которому поручено было пригласить, въ качествѣ дѣйствительныхъ членовъ — Н. Д. Иванишева, В. Θ. Домбровскаго и меня. Вслѣдъ за тѣмъ назначень былъ въ предсѣдатели коммисіи Н. Е. Писаревъ, а баронъ С. И. де Шодуаръ — въ помощники

предсѣдателя. Такъ составилаь первоначально Временная Коммиссія — въ замѣнъ *комитета древностей*, существовавшего съ конца 1835 года, подъ предсѣдательствомъ попечителя кievскаго округа, и упраздненнаго въ половинѣ 1845-го.

Но вотъ еще одно Иннокентіено письмо ко мнѣ, отъ 28 февраля 1841 года:

— «Исполать вамъ! Вы стоите за все кievское, какъ истинный *Кievлянинъ*. Я совершенно согласенъ съ вами на счетъ и Бантыша и Срезневскаго и Евецкаго *). Всѣ писали не подумавъ хорошо и не разобравъ дѣла. Но Евецкій страненъ и въ другомъ отношеніи....

«Скажите: была ли извѣстна нашимъ археологамъ бумага, найденная мною о Золотыхъ воротахъ? — Если вовсе неизвѣстна, то ей надобно дать ходъ.

«Дѣла мои идутъ тихо: на бѣду рука пишущая болитъ — отъ вереда подъ самую мышкою! Не можете представить какое мученіе!

«Погодину непременно хочется завести лавку и типографію; пишетъ и проситъ позволенія издать мои проповѣди. — Что мнѣ дѣлать? — Условія отдаетъ на мою волю; а мнѣ придется отдать на его.

*) Рѣчь идетъ о *гетманѣ Сагайдачномъ*, о которомъ я написалъ тогда статью, напечатанную послѣ въ твоёмъ *Москвитяинѣ*.

«Въ одной книгѣ — давней латинской, я нашель сейчасъ указаніе, что между московскими рукописями греческими есть двѣ проповѣди патріарха Фотія на вторженіе Руссовъ въ Константинополь, — представлено даже ихъ начало. Слыхали ли вы о чемъ либо подобномъ? — Въ субботу напишу къ Погодину, чтобы нашель и прислалъ.

«Добраго здоровья!

«Въ Сагайдачномъ мнѣ все нравится. Прилѣпите куда нибудь его крестъ. —»

Сегодня въ нашемъ приходѣ храмовой праздникъ; но мнѣ такъ нездоровится, и воздухъ такъ электрически-напряженъ и душенъ, что я остался дома, однимъ-одинъ — и занялся этимъ письмомъ къ тебѣ, чтобы закончить дѣло. Заключу его моими малороссійскими стихами (1866 г.):

«Якъ задумаюсь объ васъ,

Мои давни други,

То не вѣдаю въ той часъ

Ни журбы, ни туги;

Чую въ сердцѣ я любовь,

И душа радѣе,

Мовъ вертаются изновъ

Лѣта молоды.»

20 іюля 1870 г.

Михайлова-Гора.

ДВА ПИСЬМА

КЪ

ПЕТРУ ГАВРИЛОВИЧУ ЛЕБЕДИНЦЕВУ.

ДВА ПИРЬМА
ПЕРЬ ТАВРЬЮРНЪ ЛЕБЕДИНЦЕВЪ

I.

О МИТРОПОЛИТѢ ЕВГЕНІѢ.

Пишу къ вамъ о достопамятномъ кievскомъ іерархѣ Евгеніѣ, но подѣ впечатлѣніемъ грустнымъ. Недавно, читая въ новоизданномъ «Описаніи Кіева» Закревскаго показанные тамъ *источники*, я остаповленъ былъ слѣдующимъ отзывомъ автора объ *Описаніи Кіево-Софійскаго собора и кievской іерархіи*: «Трудъ достойный великаго уваженія. Въ этомъ изданіи кievскаго митрополита Евгенія Болховитинова заключается очень много свѣденій историческихъ, для собиранія коихъ потребны были огромная ученая подготовка, необыкновенное трудолюбіе и рѣдкая любовь къ антикварнымъ занятіямъ. Все это, *кажется*, подготовлено многолѣтними трудами ученѣйшаго Принея Фальковскаго».

Здѣсь словцо «кажется» мнѣ показалось — даже страннымъ. Какъ будто у Евгенія недоставало и огромной ученой подготовки, и трудолюбія, и любви къ занятіямъ древностію!... Но тамъ же у

Закревскаго сказано: «смотри выше — стр. 334». На той страницѣ объясняется, въ чемъ дѣло. Покойный Иванъ Михайловичъ Скворцевъ, въ своей *Хроникѣ* объ Иринеѣ, называетъ между прочими неизданными его трудами — «Полнѣйшее историческое извѣстіе о древней и новой кievской іерархіи, съ приобщеніемъ обстоятельной росписи всѣхъ митрополитовъ кievскихъ», и дѣлаетъ такое замѣчаніе: «Эта рукопись не подала ли мысль пресвященному Евгенію составить то описаніе кievсофійскаго собора и кievской іерархіи, которое напечатано 1825 года».

Тутъ сказано только о *мысли*: да и противъ этого скромнаго предположенія можно сказать почти навѣрное, что и безъ Иринеевой рукописи Евгений непремѣнно составилъ бы свою книгу, и что *мысль* о ней, конечно, была у него — еще передъ прибытіемъ его въ Кіевъ и водвореніемъ въ соборѣ софійскомъ. О томъ свидѣлствуютъ историческія писанія его о всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, по которымъ проходилъ путь его многотрудной жизни.

А у Закревскаго выведено уже заключеніе, что безъ Иринеева труда Евгенію *невозможно было сочинить* свою книгу, и что она своимъ происхожденіемъ *много* обязана Иринею Фальковскому, и что Евгений, *вѣроятно*, по этой причинѣ не подписалъ своего имени, при изданіи въ свѣтъ той книги.

Эта послѣдняя вѣроятность вовсе не основательна. Евгеній на своей книгѣ не подписалъ своего имени, такъ же какъ и на другихъ своихъ изданіяхъ — на Словарѣ духовныхъ писателей, на Описаніи лавры, на Исторіи княжества Псковскаго, и прочая. Таковъ уже былъ его обычай!

Другое соображеніе Закревскаго, что «Евгеній занялъ кіевскую кафедру въ апрѣлѣ 1822 года, а Описаніе Софійскаго собора подписано цензурою уже 5 іюня 1824 года», — также не важно. Словарь духовныхъ писателей подписанъ цензоромъ Красовскимъ 27 февраля 1822 года; а въ немъ говорится, на примѣръ, и о кончинѣ Иринея Фальковскаго въ 1823 году; а напечатанъ словарь въ Петербургѣ уже въ 1827-мъ.

Я не менѣе другихъ уважаю личность и ученую дѣятельность незабвеннаго Иринея, и нѣкогда самъ писалъ о немъ и о его замѣчательной кончинѣ надъ библіей, въ тотъ часъ, какъ его ожидали въ Михайловской церкви на служеніе... Но не могу поставить его вровень съ Евгеніемъ, какъ *Собирателемъ* историческихъ свѣденій; не могу допустить и мысли, чтобы Евгеній, воспользовавшись трудомъ недружнаго съ нимъ Иринея, умолчалъ о немъ въ своей книгѣ, сопровождаемой непрестанно цитатами на множество книгъ печатныхъ и рукописныхъ.

Я поставлю на видъ еще одно обстоятельство. Евгенийъ въ своемъ Словарѣ, перечисляя оставшіяся послѣ Иринея неизданными его сочиненія, не называетъ *Извѣстія о кievской іерархіи*. На мой взглядъ, это значить только, что Евгению на ту пору оно не было еще извѣстно, подобно тому какъ ему даже до смерти не довелось видѣть рукописной книги Петра Могилы, которая завалилась какъ-то на полкахъ софійской бібліотеки, и отыскалась уже въ 1847 году, въ которомъ и мнѣ удалось прочесть ее, и сдѣлать себѣ нѣкоторыя изъ нея выписки.

Евгенийъ прибылъ въ Кіевъ 1822 года, и въ слѣдующемъ-же 1823 году напечаталъ Кіевскій Синописисъ, съ своимъ *Прибавленіемъ*, содержащимъ росписи великихъ и удѣльныхъ князей російскихъ и литовскихъ, царей и императоровъ російскихъ, королей польскихъ, митрополитовъ кievскихъ, гетмановъ малоросійскихъ, воеводъ и кастелянновъ кievскихъ, татарскихъ хановъ. Ясное дѣло, что эти росписи составились у него въ продолженіе многихъ лѣтъ, въ которыя копились у него и словари духовныхъ и свѣтскихъ писателей, и прочіе матеріалы.

Тому, кто подготовилъ между прочимъ, *шесть частей Истории російской іерархіи*, изданной Амвросіемъ въ 1807 — 1815 годахъ, — тому не трудно было составить въ Кіевѣ *Описаніе софійскаго*

собора съ кїевской ієрархією, напечатанное въ 1825 году, напечатать и *Описаніе Кїєво-Печерской лавры*, вторично изданное въ 1831 году. А нѣкоторою подготовкою, конечно, служили ему и прежнія краткія описанія лавры и софійскаго собора. Съ какимъ запасомъ для своихъ кїевскихъ изданій прибылъ сюда Евгеній, о томъ свидѣтельствуєтъ даже и *Реєстръ малороссійскимъ дѣламъ* (1649 — 1755), выписанный имъ въ московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ (Напечатанъ въ *Молодикъ* 1844 года).

О научномъ богатствѣ, бывшемъ подъ рукою Евгенія, и я — живой еще свидѣтель. Поступивъ въ 1834 году на кафедру русской словесности въ новомъ университетѣ, я имѣлъ счастье пользоваться бесѣдами многознающаго Евгенія, и видѣть его любовь къ распространенію знанія. Въ какомъ бы памятникѣ ни представлялась надобность для моихъ лекцій: я находилъ у него немедленно готовое пособіе. Гдѣ бы кромѣ его я могъ достать, напримѣръ, *Хожденіе Даніилово*, въ то время еще неизданное? Приходилось ли читать о *Феодосіѣ печерскомъ*: Евгеній сообщалъ мнѣ посланіе къ *Изяславу*, переписанное для него рукою *Востокова*. Пришлось говорить о мнимыхъ гимнахъ *Бояна*, будто-бы славянскими рунами писанныхъ: Евгеній вынесъ мнѣ рукопись, полученную имъ отъ самого выдумщика тѣхъ гимновъ, *Селакадзія*.

Бывая у незабвеннаго владыки обыкновенно по вечерамъ, съ шести часовъ, я встрѣчался тамъ только съ барономъ Шодуаромъ, который, подобно мнѣ, пользовался его ученымъ пособіемъ, по предмету своихъ занятій, по нумизматикѣ. Въ предисловіи къ своей книгѣ, изданной въ 1837 году (подъ заглавіемъ *Обозрѣніе русскихъ денегъ*, въ 3 частяхъ), онъ говоритъ: «Въ особенности же я весьма чувствую себя одолженнымъ покойному митрополиту Евгенію». Эти слова нынѣ могу повторить отъ себя, вспоминая тогдашнее мое занятіе исторіей русской словесности! Берегу донынѣ подаренные имъ уже не задолго передъ кончиною: *Исторію Псковскаго княжества и Кіевскій Синописъ*, вторично имъ изданный 1836 года. Тогда онъ говорилъ мнѣ: «Много собрано у меня записокъ о Великомъ Новгородѣ; да пусть уже послѣ кто нибудь составитъ изъ нихъ книгу». Самъ же онъ въ послѣднее время трудился надъ новымъ изданіемъ *Исторіи іерархіи російской*; и у меня было нѣсколько отпечатанныхъ ея листовъ, да я отдалъ ихъ покойному Надеждину, когда онъ трудился въ Одессѣ при основаніи тамъ историческаго общества. Былъ еще у меня отъ Евгенія написанный имъ и напечатанный въ лаврѣ отдѣльный листъ о *Бѣлгородкѣ*.

Въ 1837 году, ровно черезъ шесть недѣль по-

слѣ его погребенія, мнѣ довелось помянуть о немъ, въ вербную субботу, въ моей рѣчи надъ гробомъ кіевского друга его, фельдмаршала Сакена. Теперь, въ заключеніе моего письма, повторю слова, написанныя о митрополитѣ Евгеніѣ его преемникомъ кіевскимъ: «Евгеній собралъ и оставилъ потомкамъ матеріаль не только для церковной русской исторіи, но и вообще для исторіи русской литературы; къ нему можно по справедливости приложить слова, сказанныя нѣкогда о первомъ лѣтописцѣ нашемъ преподобномъ Несторѣ: «поживе труждаяся въ дѣлѣхъ лѣтописанія, поминая лѣта вѣчная.»

6 февраля 1868 г.

Михайлова-Гора.

II.

О КІЕВСКОМЪ СИНОПСИСѢ.

Nabent sua fata libelli.... Одною изъ счастливѣйшихъ у насъ историческихъ книгъ былъ *Кіевскій Синописисъ*. Трижды изданный въ Кіевѣ, во второй половинѣ 17-го столѣтія, — онъ такъ полюбился новоучрежденной петербургской академіи наукъ, что она, начиная съ 1736 года, разъ двадцать издавала его, какъ учебную книгу Русской Исторіи. Наконецъ, въ нынѣшнемъ столѣтіи,

когда незабвенный Евгений сталъ митрополитомъ кievскимъ, въ слѣдующемъ же 1823 году онъ напечаталъ *Кievскій Синописисъ* съ своимъ къ нему *Прибавленіемъ*, а въ 1836 году издалъ его еще разъ — и это было «*пятое изданіе кievское, исправнѣйшее*», какъ означено на заглавномъ листѣ.

Въ предисловіи къ этому изданію сказано: «Кто былъ *сочинитель* сего сокращенія, *неизвѣстно*, хотя многіе приписывали оное кievопечерскому архимандриту Иннокентію Гизелю.... Извѣстно только, что сочинитель выписалъ и сократилъ сію книгу до 14-го столѣтія изъ *Хроники* Θεодосія Софоновича, игумена Кievo - Золото-Верхо-Михайловскаго монастыря....»

Таково было послѣднее слово послѣдняго, многученаго издателя этой заслуженной книги, которое очень важно въ исторіи литературы; оно можетъ быть отмѣнено только находкою современнаго свидѣтельства о томъ, кѣмъ именно былъ *сочиненъ* Кievскій Синописисъ.

Закревскій, въ своемъ обширномъ Описаніи Кieва, постоянно называетъ Синописисъ — *сочиненіемъ Гизеля*. Мало того — онъ говоритъ: «Два года спустя по смерти Софоновича, Гизель перевелъ его Хронику на славянскій языкъ, кое-гдѣ передѣлалъ, издалъ въ 1674 году *подъ своимъ именемъ*, назвавъ Синописисомъ, и Хронику забыли» (См. стр. 523).

Меня удивило это показаніе, столь же неосновательное, какъ и то, будто Евгеній воспользовался трудомъ Иринея Фальковскаго, будто Фундуклеево Обозрѣніе Кіева есть сочиненіе Журавскаго, и прочая.

Кіевскій Синописисъ напечатанъ былъ въ Печерской лаврѣ три раза — въ 1674, 1678 и 1680 годахъ — «по *благословенію* пречестнаго о Христѣ господина отца Иннокентія Гизеля, милостию Божіею архимандрита тояжде святыя лавры». Такъ означено на заглавномъ листѣ всѣхъ трехъ изданій. Но это вовсе не значитъ, чтобы Гизель издалъ въ 1674 году Кіевскій Синописисъ — «подъ своимъ именемъ»! Того же 1674 года напечатаны были въ лаврѣ *Акаѳисты* также по благословенію Иннокентія Гизеля; а въ 1654 году они напечатаны были по благословенію предмѣстника его, архимандрита Іосифа Тризны. *Сочиненіе* книги и начальническое *благословеніе* напечатать ее — двѣ вещи разныя; а Закревскій смѣшалъ ихъ, и взвелъ на Гизеля небывальщину.

И такъ, что написано въ Кіевскомъ Синописисѣ — хорошо ли оно или дурно — того не должно относить къ лицу *Гизеля*, и такъ часто помыкать почтеннымъ именемъ его, какъ это дѣлаетъ Закревскій, весьма немилостивый къ кіевскимъ ученымъ писателямъ 17-го вѣка, начиная

сь блаженної пам'яті *Сильвестра Коссова*. Да и всѣхъ вообщє кїєвоописателєй онъ судить очень строго, по такимъ правиламъ *исторической критики*, котрыхъ самъ не исполняетъ, и осуждая другихъ въ произволѣ и прочемъ, самъ дозволяетъ себѣ полный *произволъ* — такъ что всѣ кїєвоописатели, живые и усопшіє, могли бы сказать ему единогласно: *врачу, исцѣлися!*

Вотъ, напримѣръ, ему не желательно, чтобы Спасская церковь на Берестовѣ существовала тамъ со временемъ Владиміра. И онъ говоритъ иронически: «Разказавъ о пришествіи св. Владиміра изъ Корсуня въ Кїєвъ и объ уничтоженіи кумировъ, превелебный о. Иннокентій съ важностію продолжаетъ: «повелѣ же Владиміръ поставити каменную церковь въ Кїєвѣ святаго Спаса великую, и на томъ мѣстѣ, идеже кумиръ Перунъ бѣше, церковь святаго Василя и т. д. Но у преподобнаго Нестора о Спасской церкви ничего *не говорится, стало бытъ, это выдумка*» (стр. 732).

Вотъ какое на этотъ разъ правило *исторической критики*, о которой *тогда* (т. е. въ 17 вѣкѣ) *не имѣли понятія*, по словамъ Закревскаго (стр. 907)! Онъ говоритъ: «мнѣніє о построеніи Владиміромъ святымъ Спасской церкви въ Кїєвѣ, какъ и многія, не имѣющія никакого основанія, тоже принадлежитъ изобрѣтательности

кіевських ученихъ 17-го вѣка.» И въ заключеніе: «намъ кажется, что уважая истину, нельзя спокойно утверждать то, на что нѣтъ ни прямого, ни косвеннаго указанія въ *древнѣйшихъ* и *достоверныхъ* нашихъ свидѣтельствахъ, и утверждать для того только, чтобы идти вслѣдъ за прежними авторитетами....» (стр. 734).

Между тѣмъ Закревскій на своемъ новоначертанномъ первомъ планѣ древнѣйшаго Кіева (до 988 года) ставитъ за канавою — *капище Волоса*, а на второмъ планѣ древняго Кіева (до 1240 года) ставитъ на томъ мѣстѣ — *церковь св. Власія*, не смотря на то, что объ томъ *капищѣ* и о той *церкви* нѣтъ и помину нигдѣ, не только въ Несторовой лѣтописи, но даже и въ Кіевскомъ Синописисѣ всѣхъ трехъ изданій. И Закревскій не отвергнулъ новѣйшаго сказанія о нихъ, предложеннаго въ первый разъ, кажется, въ *Описаніи Кіева* Берлинскаго, 1820 года, на основаніи какого-то, никому неизвѣстнаго городского акта 1692 года! Онъ не сказалъ здѣсь: «мы уже неоднократно замѣчали, что кіевскіе грамотѣи 17-го столѣтія любили начало каждой мѣстности Кіева относить ко временамъ Владиміра святаго, и обильно украшали исторію Кіева разнаго рода вымыслами» (стр. 758) — какъ это сказалъ онъ по поводу извѣстной записи о *Рождественской цер-*

кви, о которой дѣйствительно говорится, напри-
мѣръ въ грамотѣ великаго князя литовскаго Жи-
гимонта 1-го 1524 года, съ упоминаніемъ, что
къ этой церкви *со стародавца* принадлежа-
ло. Хотя при церкви св. Власія, Закревскій и
дѣлаеть оговорку, что Несторъ объ этомъ ничего
не говоритъ, и что «это обстоятельство остается
еще доказать»; однакоже на своихъ планахъ Кие-
ва онъ поставилъ и капище и церковь, и въ
своей *Лѣтописи Кіева* прямо утверждаетъ, что
«на Оболони стояло *капище Волоса*» (стр. 10), —
слѣдуя только авторитету Берлинскаго, и не дожида-
ясь свидѣтельствъ *древнѣйшихъ и достовѣрныхъ!*

Но вотъ и древнѣйшіе прологи 13-го и 14-го
вѣка, которые, по свидѣтельству Карамзина, а
потомъ Бодянскаго и Лавровскаго, говорятъ,
что то мѣсто, гдѣ народъ кіевскій крестился въ
Почайнѣ (а по Нестору и хроникѣ Густынской
въ *Днѣпрѣ*), съ той поры зовется *святымъ мѣ-
стомъ* — «идеже нынѣ церкви Петрова» *).

*) Во второй книгѣ моего *Кіевлянина* 1841 года, въ статьѣ
«О мѣстѣ Туровой божницы», было указаніе на это мѣсто дре-
внихъ харатейныхъ прологовъ съ такимъ предположеніемъ: не
поставлено ли здѣсь названіе *Петрова* вмѣсто *Турова*, по не-
доумѣнію писца объ этомъ имени» (стр. 108)?

Филаретъ черниговскій, въ своей Исторіи Русской Церкви,
принялъ *церковь Петрова* за первоначальное, подлинное чтеніе,
и въ § 20-мъ написалъ: «на мѣстѣ крещенія народа построень
храмъ во имя ап. *Петра*, твердаго проповѣдника вѣры»; а въ
примѣчаніи говорить: «Въ извѣстіяхъ о построеніи храмовъ Вла-

Но Закревскій говорить: «ни Несторъ, ни послѣдующіе лѣтописцы ничего не знаютъ о Петровской церкви на мѣстѣ крещенія кіевлянъ, слѣдовательно и это «извѣстіе — не заслуживаетъ никакого вѣроятія» (стр. 850).

А Волосово капище, извѣстное одному Берлинскому *), заслуживаетъ гораздо большаго вѣроятія! Впрочемъ Закревскій говоритъ о себѣ: «Мы многое принимаемъ за достовѣрное, чего не находится и въ Несторовой лѣтописи» (стр. 104). Стало быть, не все умолчанное и пропущенное Несторомъ — есть выдумка! Если же Закревскому, кіевлянину 19-го вѣка, можно многое принимать за достовѣрное, чего нѣтъ у Нестора, то нельзя же лишать этого права и тѣхъ прежнихъ ученыхъ кіевлянъ, Сильвестра Коссова, Аѳанасія Кальнофойскаго, Θεодосія Софоновича и другихъ, которые въ первой половинѣ 17-го вѣка видѣли еще развалины древняго Кіева, наслѣдовали преданія прежнихъ поколѣній кіевского народа: и по одному этому уже составляютъ для насъ авторитетъ;

димиромъ можно видѣть образчики невѣжества писцовъ.... въ прологѣ: «идѣже церковь Бориса и Глѣба — трудъ послѣдующаго времени»....

*) Максимъ Θεодоровичъ Берлинскій родился 1764 года; а скончался, на 84 году жизни своей, 6 января 1848 г. Моя поминка о немъ, читанная мною въ московскомъ обществѣ исторіи и древностей російскихъ, напечатана во *Временникѣ* 1860 г. У меня хранится автографъ его *Описанія Кіева*, подаренный мнѣ имъ на память.

а въ критикѣ и логикѣ они были едвали не сильнѣе кіевоописателей нынѣшняго столѣтія....

Въ заключеніе письма моего о Кіевскомъ Синописѣ, приведу слѣдующій о немъ случай изъ книги Закревскаго. На страницѣ 721-й сказано: «Кажется, подобными источниками руководствовался и Θεодосій Софоновичъ, послѣ коего Иннокентій Гизель, въ своемъ *Синописѣ 1674 года*, написалъ слѣдующее: ... Тогда священники и діакны облекшися въ священныя одежды, стояху при брезѣ на доскахъ, на рѣцѣ Почайнѣ устроенныхъ, идѣже при брезѣ нынѣ церковь святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба» (*Синопис. 49!*).

Но историческая критика не дозволяетъ говорить на-обумъ и приводить свидѣтельства изъ книги, которыхъ нѣтъ въ ней. Въ *Синописѣ 1674 года* (также какъ и въ *Старомъ Лѣтописци* южнорусскомъ) нѣтъ указанія на церковь Бориса и Глѣба; тамъ на страницѣ 64-й сказано: «тогда священники и діакны облекшися въ священныя одежды, стояху при брезѣ на лавкахъ, на рѣцѣ Почайнѣ устроенныхъ» и только. Прибавка «идѣже при брезѣ нынѣ церковь....» сдѣлана въ послѣдующихъ изданіяхъ Синописа, по позднѣйшимъ прологамъ, и составляетъ мнѣніе, принятое кіевлянами извнѣ, уже въ исходѣ 17-го столѣтія.

8 апрѣля 1868 г.

Михайлова-Гора.

ВОСПОМИНАНІЕ О ТАВРИДѢ.

ПИСЬМО

КЪ

КНЯЗЮ ПЕТРУ АНДРЕЕВИЧУ ВЯЗЕМСКОМУ.

РОСІЙСЬКІ ТА БІЛОРУСЬКІ

ПИСЬМА

ПИСЬМО ПЕТРА АНДРЕЙОВИЧА ПІСЬМЕНОВА

Незабвенно для меня Черное море и мое плаваніе по его благопріятнымъ для меня волнамъ. Къ нему часто неслись отсюда, вмѣстѣ съ Днѣпромъ, мои благословенія и печали.... Незабвенна для меня и моя отдохновительная гульба по Южному берегу Крыма, о которомъ воспоминаючи, я не разъ говорилъ себѣ:

«Туда, туда!

Но быть ли тамъ когда?»

Къ вамъ нѣкогда писалъ я изъ Москвы о моемъ первоначальномъ, несбывшемся желаніи быть въ Крыму.... Вамъ нынѣ хочу вспомнить мой первый день на томъ *Синемъ морѣ* — «еже море слово *Руское*», по выраженію Нестора, и мои первыя странствія по благодатно-прекраснымъ мѣстамъ достославной Тивриды.

Весною 1836 года, получивъ четырехмѣсячный отпускъ изъ Кіева, для поправленія здоровья, я отправился изъ Одессы въ Крымъ 28 мая на

пароходъ Петрѣ-Великомъ. Между тѣмъ какъ другимъ пассажирамъ становилось дурно и худо, мнѣ напротивъ того, съ каждымъ часомъ, было все лучше и лучше, какъ-будто годъ за годомъ спалъ съ моихъ труженныхъ костей.... И вспомнилъ я тогда моряка Матюшкина, говорившаго въ Москвѣ, что для него нѣтъ большаго наслажденія, какъ быть въ открытомъ морѣ, подъ парусами.... И когда мы плыли открытымъ моремъ, я пожалѣлъ-было: за чѣмъ я отказался отъ путешествія вокругъ свѣта, на которое нѣкогда звали меня, какъ ботаника? Но — своего будущаго не угадаешь, а прошедшаго не вернешь, какъ и вѣтра въ полѣ; а въ украинской пѣснѣ и вѣтеръ говорить могилѣ такъ:

«Ой хочъ буду вѣять,
 Не переставати,
 Да вже того не одвѣять,
 Що має Богъ дати!»

Съ наступленіемъ вечера, я устроилъ себѣ ночлегъ въ лодкѣ, висѣвшей съ праваго боку парохода. Долго я лежалъ въ ней, глядя на звѣздное небо и вслушиваясь въ шумное море.... «Небеса повѣдаютъ славу Божию и о дѣлахъ рукъ его вѣщаетъ твердь....» И сладко заснулъ я, какъ дитя въ люлькѣ. Радостно мнѣ было встрѣчать пер-

вый день на морѣ и ожидать восхода солнца. И вотъ — «оно выходитъ, какъ женихъ изъ брачнаго чертога своего, какъ исполинъ, веселясь, пробѣгаетъ путь....» Господи, какъ мнѣ хорошо тогда было!

Между тѣмъ пароходъ неся съ нами по зеркальной зыби, чертя на ней пѣнистый слѣдъ своего бѣга; за нимъ тянулась въ воздухѣ длинная дымная коса; а мимо насъ бѣжали уже картинные берега Тавриды; и наконецъ — мы стали у Ялты.

Она въ то время строилась вновь, съ нарочито узкими и кривыми улицами; безпрестанно визжали татарскія гарбы своими немазанными колесами, и гудѣли камни, взрываемые порохомъ; пыль и духота были невыносимыя послѣ свѣжаго дыханья на морѣ. И я немедленно отправился въ Магарачъ, къ Паисію Сергѣевичу Кайсарову, поджидавшему меня на своей дачѣ.

Торопясь въ Варшаву, къ своему корпусу, онъ пробылъ въ Крыму еще около недѣли. Съ нимъ вмѣстѣ начались мои купанья въ морѣ и прогулки по Южному берегу — сперва до Аюдага, а на другой день въ другую сторону, до Мальцовой дачи. Въ эту вторую поѣздку мы посѣтили знаменитую южнобережную княгиню Голицыну, урожденную Всеволожскую, къ которой было у меня

письмо изъ Кіева отъ ея сверстницы, Александры Петровны Хвостовой. Та старожитная и строгая княгиня, носившая всегда нагайку на своемъ поясѣ, имѣла большой авторитетъ и для высшаго одесскаго круга. Подъ ея защиту являлась въ то лѣто изъ Одессы покинутая и обиженная графомъ Виттомъ — для него покинувшая своего мужа, графиня Собанская, въ альбомѣ которой видѣлъ я стихи, нѣкогда ей написанныя Пушкинымъ:

«Что въ имени тебѣ моемъ?...»

По отъѣздѣ Кайсарова, мой буколическій досугъ въ Магарачѣ дѣлилъ я съ поселившимися тамъ, въ домикѣ Шуазель, двумя дѣвицами, порученными въ мое знакомство профессоромъ Розбергомъ, при отплытіи нашемъ изъ Одессы. То были: дочь варшавскаго профессора Андрея Снядецкаго, болѣвшая сердцемъ, и ея смиренная спутница, Пелагія Имхартъ, сбиравшаяся описывать свое путешествіе.

Но у меня въ виду былъ желаннѣйшій и со дня на день ожидаемый спутникъ — мой возлюбленный ректоръ кіевской академіи, *архимандритъ Иннокентій*. Первое посѣщеніе Крыма будущимъ святителемъ и достопамятнымъ подвижникомъ *Таврическимъ* еще неизвѣстно, кажется, въ біографическихъ о немъ воспоминаніяхъ; а потому я

опишу вамъ его подробно, насколько оно сохранилось въ моей памяти.

Иннокентій прибылъ изъ Одессы въ Крымъ 12-го июня, въ день Онуфрія Великаго, во имя коего любили нѣкогда на Руси кievской основывать скиты и пустыни, о нихъ-же давно и память исчезла. Предъувѣдомленный о прибытіи его въ тотъ день, я дожидался въ Ялтѣ; и когда пароходъ приближался уже къ якорному мѣсту, я поспѣшилъ туда на баркасѣ. Видѣлъ я издали, что кто-то въ круглой священнической шляпѣ, сидѣлъ неподвижно, сложа обѣ руки на бортъ и положи на нихъ голову; а когда останавливались, какъ-будто ко мнѣ улыбнулся.

Но я узналъ въ немъ Иннокентія только тогда, когда его перваго стали спускать ко мнѣ съ парохода: онъ былъ — какъ съ креста снятый, и пришелъ въ себя, когда уже высадились на берегъ. Тогда онъ, вздохнувши, обнялъ меня и говорилъ: «Благодарю васъ.... Я увидѣлъ васъ, какъ моего хранителя Ахъ, какія страданія испыталъ я.... Теперь я знаю разлученіе души съ тѣломъ.» Вотъ первыя слова его въ Крыму, крѣпко запечатлѣнные въ моей памяти! А помѣщеніе его было — въ крайнемъ съ берега гостинномъ домикѣ. Тамъ, когда напились чаю, я оставилъ его въ покоѣ, съ бывшимъ при немъ келейникомъ.

Страданіе его морскою болѣзнію было такъ велико, что онъ не захотѣлъ уже возвращаться на пароходъ, и того же дня написалъ въ Одессу, чтобы оставленный тамъ его экипажъ выслали въ Херсонъ.

На другой день, въ одиннадцатомъ часу *утра* я нашелъ его уже бодрствующаго и бесѣдующаго съ собравшимися у него крымскими священниками. Подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ непріязненнаго къ нему Чернаго моря, не показалась ему сначала и красота Южнаго берега Крыма. Глядя на Ялы, ушедшія тамъ отъ моря дальше и выше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и ставшія картиннымъ полукругомъ, онъ говорилъ: «да эти горы немногимъ чѣмъ выше нашихъ кіевскихъ!» Вечеромъ однако же онъ съ большимъ удовольствіемъ гулялъ со мною по Магарачу, гдѣ мы и заночевали. Но и тутъ случилась неудача. Въ новоизбранномъ для нашего помѣщенія домикѣ оказалось многочисленное собраніе домашнихъ насѣкомыхъ. (А въ описаніи Таврической области Карла Габлица было сказано, что они «нигдѣ еще въ домахъ не усмотрѣны».) Не могли заснуть цѣлую ночь, мы на разсвѣтѣ перебрались на прежнюю квартиру въ Ялтѣ.

Съ наступленіемъ прекраснѣйшаго утра въ тотъ третій день, въ *воскресенье*, Иннокентій не только примирился съ Крымомъ, но и полюбилъ его.

Мы отправились въ Массандру, отличавшуюся отъ другихъ южнобережныхъ дачъ своею роскошною травною зеленью и безыскусственною сельскою красотою. Тамъ Иннокентій молился у обѣдни, въ небольшой церкви, поставленной надъ самымъ истокомъ свѣтловоднаго ручья.

Отдохнувши достаточно послѣ обѣда въ Ялтѣ, мы собрались на прогулку въ горы, намѣтивъ себѣ предѣломъ главную вершину, называемую Лапата. Мой проводникъ-татаринъ, ежедневно приходившій ко мнѣ съ своимъ конемъ, явился теперь съ двумя. Я предложилъ Иннокентію садиться на коня, извѣданнаго мною, въ сѣдло, оставленное Кайсаровымъ. «Какой же я всадникъ» — говорилъ онъ, смѣясь. «Отличный будете — сказалъ я: думайте, что это жребя осліе, и возсѣдайте!» И когда уже трогались въ ходъ, молодой келейникъ съ удивленіемъ глядѣлъ на своего отца ректора, и усмѣхался.

Не знаю, кто бы могъ оставаться равнодушнымъ, проѣзжая въ первый разъ по той благодатной полосѣ Южнаго берега, гдѣ подъ открытымъ небомъ растутъ — смоковница и масличина, лавръ и кипарисъ, айва и гранатъ, не говоря уже о многоразличныхъ виноградныхъ лозахъ и о прочемъ богатствѣ растительной жизни. Любитель садовъ и природы, Иннокентій былъ въ восхищеніи.

Солнце склонялось къ западу, когда мы стали взбираться, пробитою зигзагами дорогою, на другую, крутогорную полосу, поросшую таврическою сосною. Съ ея легкимъ, бальзамическимъ паромъ сливалось прохладное вѣянье съ моря и ходило между деревъ тихимъ, таинственнымъ шорохомъ... Когда мы остановились тамъ для отдыха, Иннокентій, положя руку на свою иногда болящую грудь, говорилъ съ умиленіемъ: «Господи, не забуду никогда этого дыханія!»

Приспѣла и верхняя, горнокаменная полоса, на которой не было уже деревъ, а только низкорослая трава и мохъ, да кое-гдѣ мѣлкій кустарникъ. Тамъ приходилось намъ продвигаться вверхъ иногда по самому краю стремнинъ, надъ глубокою пропастью. Привычные кони ступали осторожно, какъ бы пробуя сперва копытомъ, надежно ли въ томъ мѣстѣ. Два раза мимо насъ промчались, будто по воздуху, дикія козы. По мѣрѣ восхожденія нашего и море, казалось, поднимается въ уровень съ нами. А когда мы были у самой вершины, на встрѣчу намъ оттуда появилось свѣтло-туманное облако. Когда же, взойдя ускоренно на верхъ, мы сидѣли уже на скалѣ отдыхая, все облако спустилось внизъ и — прогремѣлъ подъ нами громъ.... Иннокентій, въ трепетномъ восторгѣ, крестился, и радовался этимъ неожиданнымъ явленіямъ. Ме-

жду тѣмъ, какъ прогремѣвшее подъ нами облако было уже далеко надъ моремъ, настигло и другое, кропившее насъ тихимъ, теплымъ дождемъ. Мы нашли впадину подъ тою скалою, и сидя въ ней, готовились уже тамъ заночевать; но черезъ полчаса прояснилось на небѣ, и полная луна освѣтила намъ пройденный путь, и показала въ новой красѣ бывшую передъ нами чудесную картину.

Тогда мы начали свой возвратный путь — пѣшкомъ и ползкомъ, вслѣдъ за татаринѣмъ, сводившимъ потихоньку своихъ коней; и когда были недалеко уже отъ сосноваго бора, тамъ запылалъ огонь и раздались протяжные крики. То были греки балаклавской роты, работавшіе новую горную дорогу и ставшіе на ночлегъ, — какъ узнали мы, подойдя къ нимъ. Вмѣстѣ съ ними и мы пріотдохнули, подсѣвши къ огню; когда же они принялись за свою вечерю, и мы подживились ею немножко: ибо предполагая возвратиться къ заходу солнца, мы запаслись только десяткомъ апельсиновъ. Спускаясь мало по малу по тѣмъ же мѣстамъ, и любуясь ими заново, при озареніи лунномъ, мы воротились въ Ялту къ двумъ часамъ по полуночи.

Обогащенные впечатлѣніями, мы остались безъ сна, и въ десять часовъ отправились на телѣжкѣ въ Алупку, гдѣ была спокойная гостинница, от-

дѣльно стоявшая на холмѣ и содержимая прежнимъ поваромъ графа Воронцова, находившимся при немъ во всѣхъ походахъ его, до окончанія войны съ Бонапартомъ. Обновивъ силы наши послѣобъденнымъ сномъ, мы съ удовольствіемъ ходили по верхней половинѣ знаменитой дачи. Иннокентію тамъ не показалось только то, что былъ уже на половину отдѣланъ великолѣпный зеленокаменный дворецъ, красовалась уже новая золототерная мечеть, а православной церкви не было еще и заложено. Пріятно было среди прогулки посидѣть у того маленькаго свѣтловоднаго прудка, который устроенъ на каменной скалѣ, и окруженъ, какъ вѣнкомъ, розовыми кустами. Тамъ Иннокентія долго занимали золотыя рыбки, гулявшія по каменному дну.... Но внезапный сильный вѣтеръ прогналъ насъ оттуда. Съ балкона гостиницы смотрѣли мы на смутное зрѣлище, которое Иннокентій называлъ «проявленіемъ бурнаго духа».

Вы помните гору Айпетре, которая стоитъ, какъ неуклюжій великанъ, при вѣздѣ въ Алупку, и служить ей своею макушкою вмѣсто ледника. Половина той горы въ незапамятное время откололась во всю длину и, упавъ къ морю, наложилась собой мысъ Айтодоръ. Вотъ, при вершинѣ Айпетре, часу въ пятомъ пополудни, показалась черная туча. Оставаясь тамъ около двухъ часовъ все

въ томъ же своемъ видѣ, она разражалась не громомъ и молніей, и не дождемъ, а только неистою сухою бурей, потемнявшею воздухъ взметаемымъ ею прахомъ и несмѣтнымъ множествомъ древесныхъ листьевъ и вѣтвей, безжалостно ею срываемыхъ. Когда исчезла тучка — и буря утихла, только на морѣ продолжалось сильное волненіе. Мы возобновили нашу прогулку, и видѣли печальное крушеніе, претерпѣнное Флорою и Помоною. Сойдя на прибрежную скалу, мы долго смотрѣли на бушующее море. Передовыя волны его съ воемъ и ревомъ кидались на скалу, какъ бы желая поглотить насъ; но досягали только до половины ея и падали съ шумомъ.

На другой день, послѣ спокойнаго ночлега въ гостинницѣ, мы совершили пріятнѣйшую прогулку по Оріандамъ, гдѣ южнобережная таврическая природа является въ полной своей красѣ и роскоши. Тамъ вниманіе моего дорогаго спутника прежде всего остановила собою, въ верхней или виттовой Оріандѣ, отдѣльно стоящая каменная горка, на которой тогда былъ новый золоченый шаръ съ крестомъ, а въ давнее время — монастырекъ или скитокъ греческій. Мы всходили на нее, и долго любовались ненаглядною ея окрестностью. Иннокентій говорилъ, что та горка представляетъ собою каѳедру въ великолѣпномъ храмѣ природы.

Весь слѣдующій пасмурный день онъ провелъ въ Ялтѣ, занявшись дѣлами своей училищной визитаціи и письмами.

А въ седьмой день, 18-го іюня, мы простились — до свиданія въ Кіевѣ. Онъ уѣхалъ въ Симферополь, а оттуда въ Херсонъ. На этомъ днѣ кончаю и мое нынѣшнее воспоминаніе о Тавридѣ.

Ровно полжизни моей прошло съ той поры, какъ я благоденствовалъ на Южномъ берегу Крыма. Тогда мнѣ былъ 32-й, нынѣ 64-й годъ. Но не прошло еще ни желаніе, ни упованіе мое побывать и погулять тамъ вторично. И для меня стали завѣтными слова поэта, вами въ первый разъ объявленные изданіемъ «Бахчисарайскаго фонтана»:

«Приду на склонъ приморскихъ горъ,
Воспоминаній тайныхъ полный,
И вновь Таврическія волны
Обрадуютъ мой жадный взоръ».

Простите!

Михаилъ Максимовичъ.

24 марта 1868 г.

Михайлова-Гора,

Золотоношскаго уѣзда.

ПРИБАВЛЕНІЕ

ГЪ

ПИСЬМАМЪ О КІЕВѢ.

ПРЕДМОВА

ПРОГРАМА ІНСТРУКЦІЙ

I.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

ВЪ ПАМЯТЬ

НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВИЧА КАРАМЗИНА,

ПРИ ПРАЗДНОВАНІИ СТОЛѢТНЕЙ ГОДОВЩИНЫ ЕГО РОЖДЕНІЯ,

1 ДЕКАБРЯ 1866 ГОДА.

Мм. гг.! Столѣтняя память о рожденіи Карамзина, которая нынѣ празднуется во всѣхъ просвѣщенныхъ кругахъ русскаго міра, для насъ кіевлянъ знаменательна еще тѣмъ, что она пришла въ одинъ годъ съ тысячелѣтнею памятью о началѣ христіанства у кіевской Руси. И вотъ — въ нынѣшній день, въ храмѣ наукъ, основанномъ во имя святаго Просвѣтителя русской земли, уже совершенно кіевскимъ архипастыремъ молитвенное поминовеніе о душѣ Карамзина и почтена достойно его память торжественными рѣчами о великихъ заслугахъ на поприщѣ русской исторіи и словесности.

Въ настоящую минуту я предложу вниманію вашему еще одно живое воспоминаніе о Карамзинѣ, по живому преданію отъ близкихъ къ нему людей.

Глубоко проникнутый любовью къ Россіи и ко всему, что было ей во-благо, Карамзинъ исполненъ былъ чистой и теплой любви къ людямъ и ко всему, что составляетъ высокое, нравственное достоинство человѣка. Эта всеобъемлющая любовь, озаряя собою всю безукоризненную жизнь Карамзина, придавала истинное величіе его прекрасной личности, привлекала и привязывала къ нему лучшихъ, передовыхъ людей русскаго міра. Въ ихъ избранномъ кругу велось безграничное къ нему уваженіе, и самое имя: *Карамзинъ* было для нихъ *святое имя*, по выраженію Жуковскаго.

Да будетъ же и у насъ въ Кіевѣ — въ этой колыбели русской жизни и русской исторіи — навсегда драгоцѣнна память русскаго исторіографа, въ которомъ съ великою заслугою писателя и доблестью гражданина соединилось высокое достоинство — человѣка. Пожелаемъ въ нынѣшній день единодушно, чтобы и всѣ наши историки писали о судьбахъ Россіи съ тою-же истинною любовью къ ней и къ исторической правдѣ, какою отличаются бессмертныя произведенія нашего первоначальнаго лѣтописателя, преподобнаго Нестора, и нашего достопамятнаго исторіографа, Карамзина.

II.

ПРИВѢТСТВІЕ

КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

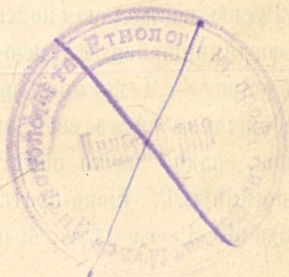
ВЪ ДЕНЬ ПЯТИДЕСЯТИЛѢТНЕЙ ГОДОВЩИНЫ ЕЯ,

29 СЕНТЯБРЯ 1869 ГОДА.

Преисполненный впечатлѣній вчерашняго достопамятнаго дня, я вседушевно радуюсь о торжественномъ праздникѣ твоёмъ, Академія Кіевская, которымъ достойно почтена твоя долгая, многотрудная жизнь, — твоя великая заслуга для всего русскаго міра, незабвенная и для нашей братіи славяно-дунайской. Какъ уроженецъ кіевской Руси и старый служитель наукъ въ здѣшнемъ краѣ, я не могу умолчать о моей глубокой благодарности тебѣ за просвѣщеніе моей родины, нѣкогда разлученной съ Русью восточною, но твоимъ внушеніемъ опять соединившейся съ нею въ общій составъ русскаго міра. — Я не могу не выразить моей благодарности тебѣ и за себя лично, — за то благо душевное, какое часто обрѣталъ я въ здѣшнихъ гостепріимныхъ, кіево-братскихъ стѣнахъ, въ продолженіе 35-ти лѣтъ, и особенно во

дни того, кто былъ красою и славою твоею, о комъ всегда вспоминаешь ты, какъ о своемъ любимомъ сынѣ.

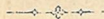
Благоденствуй же, досточтимая, добрая мать русскихъ училищъ, и подвизайся съ новыми силами во благо свято-русской земли! — Да повторится твой нынѣшній праздникъ и черезъ новые два съ половиною вѣка предстоящей тебѣ жизни! Отъ полноты сердца моего скажу, наконецъ, словами божественнаго псаломѣвца: «Буди же миръ въ силѣ твоей и обиліе въ столпостѣнахъ твоихъ! Ради братій моихъ и ближнихъ моихъ, глаголахъ убо миръ о тебѣ» (Псал. 121, 7. 8)!

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Письма о Кіевѣ къ Михаилу Петровичу Погодину.	1
Старому товарищу	2
Письмо первое	3
» второе	8
» третье	12
» четвертое	17
» пятое	19
» шестое	24
» седьмое	28
» восьмое	34
» девятое	37
» десятое	42
» одиннадцатое	48
» двѣнадцатое	54
» тринадцатое	60
» четырнадцатое	65
» пятнадцатое	69
» шестнадцатое	72
» семнадцатое	77
» восемнадцатое	85
Мысли объ университетѣ св. Владиміра въ концѣ 1838 года	93
Письмо девятнадцатое	103
» двадцатое	114

Два письма къ Петру Гавриловичу Лебединцеву	119
I. О митрополитѣ Евгеніѣ	121
II. О Кіевскомъ Синописѣ	127
Воспоминаніе о Тавриадѣ. Письмо къ князю Петру Андреевичу Вяземскому	135
Прибавленіе къ письмамъ о Кіевѣ	149
I. Застольное слово въ память Николая Михай- ловича Карамзина, на празднованіи столѣтней го- довщины его рожденія, 1 декабря 1866 года	51
II. Привѣтствіе Кіевской духовной академіи на празднованіи пятидесятилѣтней годовщины ея, 29 сентября 1869 года	153

11

